

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

ИЗ БОБРУЙСКА В СОМАЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Скоробогатов Из Бобруйска в Сомали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69554254

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждый сам выбирает способ узнать себя. Кто-то будет вертеть в голове бесконечные варианты, а кто-то разом бросит всё, и начнёт даже не с нуля, а с другой стороны. Перевернув жизнь с ног на голову, автор внимательно рассматривает – кем он окажется в поиске равновесия на незнакомой палубе, которую постоянно штормит, но всё говорит о том, что это ещё не шторм. Но убегать, он, кажется, не намерен. Об авторе: военный моряк, яхтенный капитан, участник строительства копии линейного корабля «Полтава» XVIII-века. С 2010 по 2014 годы проходил службу на военных кораблях ВМФ России. Участник трех дальних боевых походов, в том числе в Аденский залив, в рамках антипиратских рейдов.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
БЛАГОДАРНОСТЬ	6
Глава 1. ИТАК, ПОЕХАЛИ!	8
Глава 1,5. ХРЕБЕТ	25
Астма	31
Глава 2. МЕДКОМИССИЯ И ПРОВОДЫ	34
Глава 3. ПРИЗЫВ	48
Глава 4. «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»	63
Глава 5. КАЛИНИНГРАД	70
Глава 6. ВОЕННАЯ ЧАСТЬ	81
Глава 7. ПЕРВЫЙ «ПОДЪЁМ!»	93
Глава 8. ПХД	107
Встреча с командиром	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Скоробогатов Из Бобруйска в Сомали

ОТ АВТОРА

Давно испытываю сильную внутреннюю потребность поделиться своим жизненным опытом, приобретённым на службе в ВМФ РФ обычным матросом. Несмотря на то, что сейчас во всех родах войск служат лишь год, мне довелось отслужить почти четыре.

Сначала восемь месяцев срочной службы, а потом три года контрактной – уж очень хотелось сходить в Африку и собственными глазами увидеть сомалийских пиратов.

С момента моего увольнения в запас многие просили и просят рассказать, что и как там было. Встречал ли тех самых пиратов, в каких странах побывали, в какие порты заходили, какие были шторма и прочее. Я решил, что лучше один раз всё написать, чем сто раз пересказывать одно и то же. Мне, конечно же, будет интересно вспомнить те события и разобраться в том, какие трансформации произошли со мной за время службы. Всё это в первую очередь нужно мне самому, а если это повествование кому-то поможет или вдохновит на что-то, я буду очень рад.

Вместо иллюстраций к книге я решил использовать QR-

коды, которые позволят вам еще глубже погрузиться в приключения и внутренний мир персонажа, идущего к своей мечте, не взирая ни на какие внешние обстоятельства. Читайте, смотрите, слушайте и наслаждайтесь путешествием!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Один из моих вдохновителей для написания этой книги – Евгений Гришковец. В своём спектакле «Дредноуты» он рассказал о причинах его появления на свет. И я его прекрасно понял. Однажды он изучал тему морских сражений в период Первой мировой войны. В какой-то момент в его голове накопилось столько информации, что девать её уже было просто некуда, мозг её просто не вмещал. «От этой информации нужно было как-то избавиться. А как можно избавиться от информации? Правильно. Её нужно просто кому-то рассказать». Так родился его превосходный спектакль. По этой же причине родилась моя книга.

Другой человек, вдохновивший меня, – мой друг Андрей Оплетаев (Слесарь) – теперь уже бывший басист группы «Психея». Даже не сам он, хотя и он тоже, а его книга «Записки проезжего музыканта». В ней рассказывается о том, как они с группой «ПТВП.» поехали на автобусе в совместный гастрольный тур на несколько месяцев. Отличная книга, подробно и точно описывающая события из жизни двух самых «оторванных» (безбашенных – прим. авт.) групп нашей страны.

Спустя некоторое время после прочтения его книги я возвращался из Питера в Москву. Скинув наконец-то все свои последние вещи в багажное отделение автобуса, я поднялся

в салон. Последние вещи – это те, которые ты наконец-то собрал по всему городу. Некоторые из них хранились где-то годами у друзей и знакомых, ожидая моего возвращения с морей и из других жизненных приключений. Сел. Еду. Автобус оказался Neoplan. Как раз такой, на котором ребята ездили в гастрольный тур. И тут я вспомнил, как Слесарь раскладывал сиденья автобуса до полноценного спального места. Я сделал так же. Разложил. Лёг. Подумал: «Как же круто! Спасибо, Слесарь!» Спустя пару минут после описанного в его книге и проделанного мною примера в разных частях салона автобуса начали раздаваться скрипящие звуки кресел, сопровождаемые удивлённо-облегчёнными вздохами попутчиков.

Вот так, на простом примере, я понял, что чей-то жизненный опыт может быть для кого-то полезен и кем-то успешно использован. Его ни в коем случае нельзя утаивать, особенно если ты считаешь его положительным. Им нужно делиться!

Глава 1. ИТАК, ПОЕХАЛИ!

Я вообще ничего не подозревал, когда садился в поезд. Мне двадцать три, я только что окончил СПбГУ и поехал к родителям повидаться, отметить окончание и проветрить голову перед принятием решения – куда дальше направлять свою жизнь. И вроде всё привычно, всё как обычно, едем... Но что-то не так. Знать бы сразу, куда привезёт меня этот поезд.

Человек на ближайшей боковухе развлекал попутчиков рассказами о службе в армии, и знакомое название выдернуло меня из раздумий: он говорил о «Печах». Так называлась самая лютая, известная на весь Советский Союз учебка. В неё попадали те, за кем уже на гражданке накопились косяки, и целью этой учебки было не столько воспитать бойца, сколько вернуть зарвавшихся парней в чувство и жёстко дать понять: не справятся «Печи» – будет исправлять тюрьма. Я много слышал про эту учебку от старшего брата, и все те истории звучали как предостережение. Мне не хотелось оказаться в подобном месте.

Рассказы попутчика были мрачными и в то же время весёлыми. Почти как песни Егора Летова о любви, только когда её нет. Одно из высказываний нашего попутчика я запомнил надолго: «Кто был студентом – видел юность. Кто был солдатом – видел жизнь». Услышав это, я погрузился в раздумья.

Студентом был, юность видел. А дальше что?

Отдохнув в родительском доме, я вернулся в своё питерское пристанище, ещё более временное, чем я себе представлял. В те дни я обитал на кухне у своего друга Богдана и его девушки Дарисо. Кухню мы делили с нашим общим другом Эдиком, которого Богдан также приютил у себя: все мы были знакомы с первого курса, вместе жили в общежитии, и нынешнее положение не было в тягость. Квартира была хоть и убитая, но вполне уютная, особенно было важно её географическое расположение: в самом центре, у метро «Чернышевская». Это была уже третья моя обитель в этом районе. Предыдущие квартиры мы снимали с друзьями в этом квартале, неминуемо превращая каждую из них в подобие сквота. Всё было очень по-настоящему. Прошлые хаты были просторнее, но и народу там жило в разы больше, плюс на каждого вольный десяток непрекращающихся друзей в любое время дня и ночи. Мы скорее праздновали жизнь, чем проживали её. Но любому празднику приходит конец.

Мне пришлось сделать неприятное открытие, когда я на несколько дней протрезвел и взглянул на свою жизнь и серьёзные, как мне казалось, отношения со своей девчонкой. В состоянии непрерывного праздника я принимал решения без размышлений, в потоке: ходил на учёбу, пропадал на работе в промышленном альпинизме, изматывался на тре-

нировках по капоэйре. Всё на износ. Тело и нервы. И вот, оказавшись однажды трезвым, я осознал, что целый отрезок жизни провёл в некотором неадеквате и с этим надо что-то делать. Мы уже даже сходили в ЗАГС и подали заявление на роспись, тем самым утверждая и оправдывая свой привычный на тот момент образ жизни. Более того, мы готовы были и дальше так жить и жечь, что есть мочи. Смелый путь в никуда.

Тогда я решил, что надо останавливаться и срочно что-то менять. Во-первых, к чему эта спешка со свадьбой, тем более не в том формате, в котором я это представлял? Мне пришлось крепко напрячься и сказать своей девушке, что это была плохая идея. Было такое ощущение, что в решении пожениться не было моего участия. Я сказал, что если нам суждено быть вместе, то мы будем несмотря ни на что, но эту истерику с женитьбой надо приостановить.

Уже потом, в гостях у моего друга, состоялся короткий, но очень значимый разговор с его мамой.

Она спросила:

– Ну что, Андрюха, когда свадьба?

– Не будет свадьбы.

– Это как?

– Да вот так. Передумал. Неправильно это всё.

– Вот это мужчина. Слово дал, слово взял.

Позже я понял смысл этих слов. Если и была в них усмешка, то нашлось место и мудрости. Можно принять решение

и слепо следовать ему, несмотря ни на что, даже если оно ошибочное, своим упорством усложняя жизнь себе и другим. Тоже ведь какая-никакая тактика. Но жизнь сложнее любых схем. Иногда стоит пересмотреть своё решение и объясниться с тем, с кем ты его принимал. Да, возможно, вы больше никогда не будете прежними друзьями, но это лучше, чем, взявшись за руки, шагнуть в очевидное болото. Там тоже друзьями не быть. Нужно было срочно отменять красивый блеф и становиться счастливыми, но уже раздельно. В этом и заключается мудрость и смелость – сделать так, как велит тебе сердце, а не какие-нибудь внешние обстоятельства. Тогда я осознал, что в жизни важно делать лишь то, в чём сам на сто процентов уверен. И если отвечать, то исключительно за своё решение.

Итак, расставшись со своей девушкой, я переехал жить к Богдану на кухню. На кухне был обеденный стол, плита, книжная полка и два матраца – один Эдика, второй мой. Кухня была размером не более шести квадратов, поэтому в ней вряд ли что-то ещё могло поместиться. Старые обои, серый потолок, мутноватое окно. Не самая подходящая обстановка для переживания разрыва, но, когда у тебя есть дело и люди, умеющие поддержать, восстанавливаться чуть-чуть легче. Я готовился к поступлению в аспирантуру, работал помощником генерального директора в одной строгой конторе, в свободное время всё так же висел на верёвках, занимался музыкой и капоэйрой.

И вот я возвращаюсь от родителей с теми рассказами в голове: случайный попутчик будто никуда не вышел, или я так и продолжаю ехать в том вагоне, который теперь везёт меня – куда? Через пару дней я получаю посылку от брата: кассету со стихами и песнями, которые он написал, когда служил в тех самых «Печах», а теперь записал и собрал вот в такой своеобразный «Дембельский альбом». Наглухо сбитый с толку этим случайным или неслучайным «контрольным выстрелом», догнавшим меня после поезда, я слушал вступительные слова и понимал, что дальше меня ждёт какое-то важное и нужное откровение, словно в продолжение вагонного разговора.

Я слушал записи и понимал, что в них заключено что-то серьёзное, мощное, что мне понять пока не под силу ввиду отсутствия понятийного аппарата, который там был использован. Что-то проникло в меня на эмоциональном уровне, что-то сразу понравилось на уровне осознания, а что-то я не понял совсем. Не как сейчас любят говорить – «не зашло», а не смог взять своими руками, своим нетронутым армией умом. Очевидно было одно – это живой опыт человека, который не только написал эти песни, но и сам пережил каждое слово. Пришлось задавать вопросы и разбираться. Одним из ответов был следующий: «Армия – школа мужчин. У тебя есть шанс успеть запрыгнуть в этот поезд, пока тебе ещё не исполнилось двадцать семь лет».

Собственно, тот поезд с рассказчиком, и был таким поез-

дом, в который я уже запрыгнул и совершенно не фигурально. Перед поездкой к родителям я решил приятно провести время с одной из своих подруг в ожидании отправления поезда. Мы гуляли в парке возле вокзала, и я потерял счёт времени. Когда я опомнился, то осознал, что мой поезд отправляется через три минуты. Пришлось сделать какой-то невероятный марш-бросок до вокзала с огромным рюкзаком за плечами и сумкой в руках. Нёсся так, что подруга едва за мной поспевала, но старалась не отставать. Врываемся в здание вокзала. Лихорадочно ищу на табло свой поезд. И вижу, что время отправления уже отсутствует, – тронулся, значит. Но осталась информация, с какого перрона он двинул. Смотрю в окно на перрон и вижу свой поезд, набирающий ход. Вылетаю на перрон, бегу вместе с поездом и кричу смотрящим из окна поезда пассажирам, чтобы они дёрнули стоп-кран. Смотрящие были лишь смотрящими и на мою просьбу только разводили руками. Резко обернувшись на бегу, я заметил открытую дверь последнего вагона со стоящей в ней ничего не подозревающей проводницей с флажком в руках. Это стандартная ситуация при отправляющихся составах – в первом и последнем вагоне стоят проводники, семафоря друг другу флажками, мол, всё нормально, едем дальше. Но с появлением меня на перроне ситуация несколько вышла за рамки, потому как я на полном ходу влетел в ту самую единственную открытую дверь, сбив с ног проводницу. Было неловко валяться в тамбуре на проводнице, да ещё и при-

жатыми сверху моим багажом. Но я думал лишь об одном – успел, слава Богу!

И вот опять история подсовывает какой-то поезд. Теперь он колотил в голове всеми своими колёсами и стыками причин. Было ощущение, что я уже запрыгнул в него на полном ходу, но пока ещё не понимаю, где проводник, где моё место и куда меня несёт. Но то, что уже несёт, – это я чувствовал со всей отчётливостью. Грохотала вся реальность.

Через этот шум доносился голос брата, который говорил, что воинская служба – это долг, который необходимо отдать, как и любой другой долг в этой жизни.

Поскольку наш отец был военным штурманом дальней авиации и отдал службе двадцать шесть лет, то воинские понятия о долге, чести и достоинстве не были для нас обоих пустым звуком. Тем не менее, когда речь идёт о реальной необходимости отдать свой долг, ты неизбежно встречаешься со страхами и сомнениями внутри себя. Как вот взять и всё бросить? Всё бросить, а что останется – отдать? Как добровольно отказаться от той жизни, которую вылепил своими руками, поступиться своим временем и посвятить его служению Родине? Отец сам выбрал свой путь, учился, мечтал летать. Брат бегал-бегал – в итоге забрали. Но меня-то вообще никто не ищет, и служба мне эта – до лампочки, поскольку к тому времени у меня уже был военный билет на руках: из-за компрессионного перелома позвоночника и бронхиальной астмы я был освобождён от срочной службы. На-

совсем.

Тут начались сомнения и метания. С одной стороны, понимаешь, что это всего лишь год и что действительно надо отдать долг Родине, а то она взыщет, как обычно это бывает, не в самый благоприятный момент. Кто-то, не отслужив, открывает бизнес или заводит семью. А потом раз – и повестка. Именно тогда, когда ты на пике успеха, или вот-вот родится ребёнок, или ещё какое мероприятие. Да и повестки бывают разные. Поэтому уж лучше добровольно.

Уверенности в том, что пойти служить – решение правильное, добавил спектакль Гришковца «Как я съел собаку». Не смотрели? Я пересматривал его десятки раз. Пару раз смотрели всей семьёй. В спектакле есть момент, когда Евгения и других призывников везли в лодке на Русский остров. Всё, что у него к тому моменту было из дома, – яблоко. А когда он его съел, то от яблока остался лишь черенок с листиком. И это было единственное, что осталось от гражданской жизни в руках Евгения. От той жизни, в которой он жил и которую знал как свою. Он крутил эту веточку, как пропеллер, туда-сюда, а потом взял, да и выбросил её за борт. Ну а что ещё оставалось с ней делать? И в этот момент родился новый человек.

Позже мне и самому пришлось испытать подобное чувство: когда выдали новую форму, гражданскую одежду пришлось выбросить в контейнер для утилизации: её потом сожгут. И вот ты идёшь в новой, ещё пахнущей краской фор-

ме. В новой форме себя самого. Как всё дальше сложится – известно одному лишь Богу. А мне неизвестно. Поэтому всё должен сделать сам.

К решению служить подтолкнула и музыка. Помню, однажды ложился спать ещё с некоторыми сомнениями по поводу того, идти или не идти в армию. А утром почему-то захотелось поставить песню группы «Мумий Тролль» «Владивосток-2000». Послушал и понял: я готов. Надо идти. Наверное, Лагутенко передал мне эту энергию, весь тот мощный заряд-снаряд, который он получил во время своей службы на флоте. Это было откровение. Чётко, ясно и без вопросов.

Брат, Гришковец и Лагутенко сказали своё слово, и я его услышал.

Ладно, решено идти. Отец служил в ВВС, брат в пехоте, и, конечно же, если мне служить, то непременно на флоте. Тем более что море – моя стихия. Это мне знакомо с детства. Но как туда попасть? Когда тебя призывают, то особо не спрашивают твоих пожеланий и вообще, в принципе, ни о чём не спрашивают. Куда Родина призвала, там ты и нужен. Но может, есть какие-то варианты? Варианты есть всегда. В любой ситуации. Я начал изучать сайт Министерства обороны.

Я нашёл контакты приёмной Тихоокеанского флота. Отправил свой запрос на содействие в призыве. Служить я был согласен только там. Не меньше. Гришковец и Лагутенко отдали ТОФу по три года своей жизни. Я хотел быть с ними на одной волне, единым духом. Очевидно же, что их от этого до

сих пор прёт. Иначе мы с Евгением не пили бы вместе водку и не закусывали одним супом на двоих глубокой осенью в ресторане одной из гостиниц Петербурга после прочтения стихов, написанных братом к премьере его спектакля «Сердце». Но обо всём по порядку.

Я позвонил в министерство по телефону, меня долго спрашивали: в своём ли я уме, не болен ли часом, не скрываюсь ли от тюрьмы и прочее, но когда поняли всю серьёзность моих намерений, то осторожно дали контакты отдела кадров. Удивительно, но там я попал к более заинтересованному человеку – Тарасову Виктору Григорьевичу. Но и он, однако, сначала тоже принял меня не то за сумасшедшего, не то за афериста. Капитан первого ранга в отставке, жизнь повидал и шутников, наверное, тоже встречал немало. Поэтому, убедившись в моей решимости, вцепился в меня потечески, делая всё, чтобы как можно скорее отправить меня подальше.

Тихоокеанский флот находится на другом конце вообще всего, куда можно доехать без загранпаспорта. Тем не менее, чтобы попасть именно туда, мне пришлось не только проходить телефонные тесты на вменяемость, но и собрать кучу документов. Я по-прежнему сомневался в успехе, поэтому в этой волоките видел какое-то оттягивание провала, что ли. Собирал потому, что надо, отправлял потому, что так сказали. Поэтому, когда через две недели пришёл положительный ответ, мне пришлось очнуться от реальности во второй раз.

Понимаете, в этом ответе уже не было уточняющих вопросов: уверен ли я хоть в чём-нибудь, не пьян ли, не ошибся адресом? Там было прямо написано, что теперь я радиотелеграфист на вполне конкретном корабле с героическим названием «Варяг». По одноимённой песне я помнил что-то такое, что вполне чётко указывало на отсутствие отходных путей.

Чтобы понять мою растерянность, надо знать, как я выглядел в те дни. Дреды, пирсинг, борода косичкой. В одежде ни намёка на строгость или хотя бы дисциплину. Мне бы в «Пираты Карибского моря», ромом упарываться да саблей размахивать, гоняя воображаемого осьминога в костюме мужика – вот это была роль, вполне подходящая моему образу. Но я – радиотелеграфист флагманского корабля. С пушками для врагов и воспитательными пиздюлями для экипажа.

Помните лицо Джека Воробья, когда он обнаружил себя на необитаемом острове, без корабля, компаса, а главное – рома? Вот примерно с таким же лицом я и читал то письмо. Но подождите смеяться: скоро всей этой оболочке предстоит быть снятой, сбритой и преданной огню. Под этим обликом – уже радиотелеграфист флагманского корабля! Да, я помню, что я говорил, просто мне нужно привыкнуть, как звучит это

словосочетание по отношению ко мне.

Так, надо собраться. Что ещё надо?

Я еду на Дальний Восток

Искать своей сути исток.

В тиши океана найти и войти

В радужный жизни поток.

Судьбы моей новый виток...

Эту песню-мантру выдал мозг, но отдавать её не собирался – она крутилась в голове без остановки все следующие дни. Это помогало держать мысли в кулаке и делать то, что надо делать, а не растекаться по сомнениям.

Следуя плану, надо идти сдаваться в военкомат, в призывной пункт по своему району. Поскольку прописки и регистрации у меня на тот момент не было никакой, а жил я на метро «Чернышевская», то выбрал ближайший призывной пункт, где меня приняли с во-о-от такенными распростёртыми объятиями.

Я пришёл с пакетом документов и с тем письмом с Тихоокеанского флота. Человек, который смотрел мои бумаги, вскинул брови и сообщил, что он тоже родом из моего родного Бобруйска. Вот как это объяснить? Непонятно. Разговорились. Сказал, поможет, чем сможет. Честно говоря, помочь мало чем мог, поскольку от него вообще ничего не зависело. За исключением двух вещей: той надежды, которую он в меня вселил, и какого-то знака в виде землячества. Всё это оказалось очень важной поддержкой в моём прыжке в

неизвестность.

Про письмо с ТОФа они не были в курсе, но сказали, что мне в любом случае надо сначала пройти медкомиссию, а там уже разбираться, куда меня можно будет отправить.

К медкомиссии я был готов. Готовился специально, поскольку знал, что меня могут завернуть по здоровью: у меня была астма и компрессионный перелом четырёх позвонков. Так вышло, что однажды Бог послал мне одного замечательного специалиста. Предчувствуя медкомиссию, я обратился к хирургу в самой обычной поликлинике из-за боли в коленном суставе, который на тот момент сильно отёк и мешал ходить. Ещё бы, висеть на верёвках на высоте в лютый холод, тренироваться почти каждый день, при этом вести не совсем здоровый образ жизни – не каждый организм сдюжит.

В поликлинике хирург сказал, что у меня артроз и артрит. Выписал обезболивающее, противовоспалительное и отправил домой, добавив, что это очень плохая история в двадцать четыре года иметь такой диагноз. На какое-то время хворь отступила, но потом вернулась с новой силой. Пошёл опять на приём. К моему счастью, приём вёл другой врач. Усманов Дмитрий Романович.

Выслушав меня, он попросил раздеться до трусов, повернуться спиной, встать прямо и, медленно-медленно скручиваясь в спине, сделать наклон вперёд, насколько это возможно. Сам же взял блокнот и карандаш. Сказать, что я был удивлён? Скажу, но не скажу этим ничего нового: обычно

приходишь, а на тебя даже глаза не поднимают. Максимум две минуты, и уже идёшь с рецептом в аптеку за средством, которое не исправит причину, а лишь заглушит симптомы. Здесь же было что-то совсем другое. Я наклонялся и крутился, как он просил, после чего он сказал, что всё понятно, и велел одеваться.

Когда я оделся, он мне показал схему моего тела с перекошенными осями в тазобедренном суставе и плечевом поясе. Видишь, говорит, проблема не в коленном суставе – проблема в позвоночнике. Из-за слабости мышц спины с правой стороны идёт перекос, из-за этого нагрузка на левое колено. Что, говорит, у тебя с позвоночником было? Я офигел. Как это вообще возможно? Я ведь к нему просто с коленом пришёл. А он за пять минут докопался до первопричины. Почему предыдущий врач не проводил никаких таких тестирований?

Узнав, что я собираюсь пойти служить, да ещё и на флоте, Дмитрий Романович заинтересовался сильнее. Оказалось, он тоже служил там, в ракетно-артиллерийской боевой части. Ещё один знак, что я на верном пути, раз встречаю правильных людей. Я сказал, что надо меня починить так, чтобы не было проблем с медкомиссией. Он заверил, что починит. И слово сдержал. Мы провели десять сеансов мануальной терапии и иглоукалывания. Меня не только перестала тревожить нога, но я вообще в целом пришёл в норму.

По окончании лечения он выписал мне направление на

МРТ, чтобы посмотреть, в каком теперь состоянии мои сломанные позвонки. Когда он увидел снимки, то долго в них всматривался, пытаясь найти хоть какие-то отклонения. Ничего не нашёл. Более того, сказал, что это удивительно – никаких следов травмы не выявлено! Дмитрий Романович вернул мне снимки и пожелал удачи. Без намёка на хромоту и боль я вышел из кабинета. Тело я победил. Что там дальше? Медкомиссия и Тихий океан?

Глава 1,5. ХРЕБЕТ

Мне было четырнадцать лет. Второе сентября, восьмой класс. Я только что перевёлся в очередную школу. Так вышло, что я их менял почти каждые два года. Мы с моим лучшим другом, Сергеем Лоскутовым, каждый день ходили на стадион. Тренировались, устраивали спарринги. Занимались основательно, в любую погоду. Однажды, возвращаясь с тренировки, проходим мимо старой высокой груши. Решили проверить, созрели плоды или нет: в прошлые разы они были ещё зеленоваты. Всё как обычно: нашли палку, начали сбивать. Сбили парочку, подняли с земли, надкусили – превосходные! Но палкой много не насбиваешь, а нам, естественно, надо было много – самим поесть да кого-нибудь угостить во дворе.

Я полез на дерево, чтобы хорошенько его потряхнуть. Залез на высоту примерно третьего этажа. Смотрю: идут две девчонки-футболистки. Видимо, тоже на тренировку. Завидев нас, они решили подойти и попросить пару груш. А нам-то что? Не жалко. Берите.

– Девчонки, хотите груш?

– Хотим!

– Подходите собирать!

Я потряхнул дерево. Самые спелые плоды посыпались вниз. Серёга и две подруги подошли их собирать. «Ну, сейчас я

вам устрою», — подумал я и начал неистово трясти дерево руками и ногами. Какой же был угар, когда из-под дерева вылетели две побитые грушами девчонки! За Серёгу я не переживал, был уверен, что он поймёт прикол.

Но у шутки оказалось два финала. Раззадоренный своей идеей, я тряс мокрое от дождя дерево и не заметил, как начал скользить. Сорвались ноги. Попытался уцепиться руками за ствол, но кора дерева больно впивалась под ногти. Я сорвался и полетел вниз. Приземлился на пятую точку. Шок. Дышать не могу, глаза навывкате. Все ржут, и больше всех Серёга. После этого он перестал быть моим лучшим другом.

В тот раз я понял, что связь с высшими силами у меня налажена короткая: только замыслил недоброе — сразу к ответу! Считаю, что мне повезло, иначе мог бы творить всякое непотребство, а потом мне прилетало бы не пойми что и не пойми откуда. А тут сразу ясно: напакостил — получи.

Кое-как я смог вдохнуть и взглянуть на свою правую руку. Она выглядела как S-образная водопроводная труба. Двойной перелом со смещением. Первое, что я произнёс:

— Пиздец... Что мама скажет?

Мне никогда не хотелось быть для неё объектом тревоги, хотелось как-то, наоборот, защитить от всякого рода волнений. Кое-как собравшись с силами, встал. Попросил Сергея проводить меня в травмпункт. Идти было тяжело и больно. Сергей помогал, но ржал всю дорогу, придурок. На мою просьбу не ржать он отреагировал неоднозначно:

– Это же не я упал, у меня-то всё хорошо, поэтому и весело.

В травмпункте мне довольно быстро наложили гипс и хотели было отправить домой, но я попросил сделать снимок спины. Болела сильно. Снимок сделали, но это был вечер пятницы, поэтому сказали, что за результатами надо прийти в понедельник. Мама, увидев меня в гипсе, конечно, расстроилась. Но с кем не бывает. До свадьбы же заживёт. Сама однажды сломала руку, поскользнувшись и упав, когда возвращалась с утренней тренировки с того самого стадиона. Я за неё тоже сильно переживал.

Именно она, кстати, и приучила к спорту. Мы вставали в пять утра и бежали на стадион. Сама она делала это каждый день. Я никогда не хотел просыпаться в детский сад или школу, а вот на тренировку подрывался всегда с большой охотой. Зимой даже бегали босиком по снегу. Закалялись. Иногда мы ходили на стадион вчетвером. Мама, брат, сестра и я. Шикарнейшие воспоминания! Отец, к сожалению, был в основном на службе.

Все выходные ныла спина, но я не подавал виду. В понедельник пошёл за снимком в поликлинику. Зашёл, попросил снимок. Сказали, сейчас найдут. Стоять было нелегко, и я присел в ожидании. Через какое-то время услышал какой-то вопль за дверью, где скрылась врач. Через секунду она выскочила со снимком и бледным лицом.

– Немедленно встань!

– Что случилось?

– Тебе нельзя сидеть!

– Почему?

– У тебя сломан позвоночник! Тебе и стоять-то, наверное, нельзя.

Ну начинается...

Я пришёл домой и сказал маме, что у меня перелом. Такой расстроенной я её никогда не видел. Ревела навзрыд и причитала, что такого она в своей жизни никогда не хотела. Сказала мне лечь на спину и не двигаться. Я лёг. Лежал и молился. А что мне ещё оставалось делать? Потом приехала скорая и увезла меня на носилках в больницу. Не понимаю, почему нельзя было этого сделать сразу? Помню, ещё несли вниз по лестнице вперёд ногами. Успели поржать с медиками по этому поводу.

Пару месяцев лежал в больнице. Лежал в прямом смысле. Потом ещё пару месяцев дома. На зимних каникулах разрешили начинать понемногу ходить. Любой транспорт и лифты под запретом во избежание малейшей компрессии. Начал ходить в школу, но сидеть было нельзя, поэтому все уроки у меня проходили стоя. Примерно через полгода после травмы сняли ограничения, но сказали, чтобы я забыл про все свои любимые занятия: горно-пешеходный туризм, скалолазание, спелеологию, боевые искусства – всё, что было связано с физической активностью, а также поднятие тяжестей. В добавок предупредили, чтобы готовился к тридцати годам

столкнуться с большими проблемами, поскольку ничего бесследно не проходит.

Кто вообще «рухнул с дуба», они или я? Как можно такое было сказать и враз всё запретить? С детства упрямый, я им не поверил. Начал тренировки. Сначала в щадящем режиме, потом в обычном, потом в полную силу. Да, поначалу было неудобно, непривычно, даже больно, но меня это нисколько не останавливало. Восстановился довольно быстро и вернулся к любимым занятиям: соревнованиям, походам, экспедициям.

Абсолютно уверен, что таким образом Господь явно уберег меня от чего-то более серьёзного. Я тогда был в хорошей физической форме, умел драться и крутился с ребятами постарше. Всё это в перспективе должно было иметь какой-то выход. Надо же когда-то применять полученные навыки. Четырнадцать лет – сумбурный переходный возраст, но я провёл его в глубоком смирении. В то время как мои друзья начинали кучковаться, пробовать всякое и мутить странные делишки, я лежал и размышлял о жизни.

Спасибо, что живой!

Любая болезнь или трудность делает тебя осознаннее и сильнее духом. Во всяком случае, можно использовать это время для того, чтобы задуматься: «А что в своей жизни я делаю неправильно?» Провести внутреннюю работу над ошибками. И постараться больше так не делать, попросив помощи свыше. Причём попросив обязательно. Без под-

держки сверху мы вообще мало что можем — ходячие мешки с костями.

Астма

Чёртова психосоматическая издёвка организма. Уже доказано. Просто что-то не так в отношениях, в окружении или в твоём восприятии. Тело на тонком уровне насаживает на себя все нервозности, стрессы, а ты не понимаешь, что происходит. Чувствуешь, что что-то не так, но ни выразить, ни объяснить не можешь. Поэтому так и протекает. Ты не в силах с чем-то мириться, высказаться по этому поводу и, как результат, – задыхаешься. Тесты, которые я сдавал, подтверждали аллергию на всё. Без преувеличений. Вода, еда, воздух, животные. Сначала возникает и усиливается реакция, потом не можешь дышать. И всё по новой – скорая, больница, капельница.

Всё это было пережито в раннем возрасте, но осталась аллергия на тополиный пух. Приходилось каждый год выезжать куда-то, где нет тополей, либо в другой климат, где они уже отцвели. Или же просто пить таблетки. В один момент эта хрень меня достала. Я решил, что надо как-то договориться: либо с собой, либо с пухом. Таблетки решил использовать в крайнем случае, если вдруг совсем перекроет дыхательные пути.

Дело было уже после службы: именно тогда я познакомился с йогой Андрея Сидерского – «23» (направление получило такое название из-за количества входящих в неё комплек-

сов упражнений). Я не сильно вдавался в подробности духовной стороны. Честно говоря, она мне как православному христианину совсем чужда. Вот не воспринимает моё сознание всех этих их вещей, как ни пытался постичь. Закрыто. Ну и нечего лезть. Для меня важен был именно практический смысл, а тут его было в избытке.

В конце тренировки мы стояли в планке. Уже семь потов сошло. Дышать трудно. Стоять сил нет. Хочется только упасть, лишь бы это поскорее закончилось. И тут! В носу открылись «кингстоны», и всё как из ведра хлынуло наружу. Откуда там вообще было столько жидкости – непонятно. Понятно другое. Организм, видимо, был в таком напряжении, что ему пришлось выбирать – либо обратить всё внимание и силы на аллергию, либо на то, что я решил не сдаваться и истязать свою плоть до конца. Похоже, что он выбрал забить на аллергию. С тех пор она меня не беспокоит. И позвоночник тоже.

Глава 2. МЕДКОМИССИЯ И ПРОВОДЫ

Заручившись словами врача, надеждой и верой, я пошёл в военкомат на медкомиссию. Куча призывников, в трусах снующих от кабинета к кабинету и ожидающих в коридорах приёма врачей. Для меня всё проходит спокойно и гладко. Никаких сомнений, что завернут. Точнее, сомнения были ранее, но я решил, что если завернут по здоровью от службы на флоте, то всё равно куда-нибудь отправят. И лучше так, чем вообще никак. На то она и служба по призыву. Куда тебя Родина призвала, там ты и нужен.

К моему счастью, комиссию прошёл без каких-либо замечаний. Честно сказал, что была астма, которую перенёс в детстве, и перелом, который на данный момент не беспокоит. Объяснил, что мне надо на флот, и попросил не портить медкарту. Такое рвение было воспринято должным образом, и мне присвоили степень годности «А». Это означало, что я могу попасть куда угодно: спецназ, ВДВ, но главное – ВМФ.

Вспоминается разговор с военкомом:

– Как твоя медкомиссия?

– Годен. Присвоили «А».

– Ну что ж, служить будешь. И обязательно на флоте. Но не на Тихоокеанском.

– Почему?

– Петербург не формирует Тихоокеанский. Тут либо Северный, либо Балтийский.

– Ну а как же письмо и план моей отправки? Во Владивосток военным бортом из Кронштадта с молодыми специалистами? Как быть с отношением и должностью, которая ждёт меня на крейсере?

– Здесь уже не в наших силах повлиять на ситуацию. Мы отправим тебя, порекомендуем, чтобы отправили на флот, а там как сложится. Может, у них и будет возможность забрать тебя, как написано в твоём письме. Ну а нет, так всё равно пойдёшь куда-то служить.

План рушился. Радовало только то, что определились с родом войск, – хоть не на суше буду служить. Уже ввязался в бой, и отступать некуда. Я подумал и решил, что если есть возможность выбрать между флотами, то было бы хорошо использовать эту возможность. Холод я не очень люблю. И понимая, что на Северном флоте будет несколько прохладнее, сказал:

– Отправляйте на Балтийский.

– Хорошо. Пожелание учтём.

Мне выписали повестку, и с ней я отправился домой.

В повестке было указано, что через неделю мне надо

явиться в военкомат, а оттуда уже к месту прохождения службы. Дома я упаковал свои вещи и, оставив их у друзей, решил поехать к родителям, попрощаться с ними и близкими мне людьми.

Не то чтобы я сильно понимал, зачем нужны все эти проводы, скорее действовал по наитию или даже по традиции. Но кое-что открылось мне в процессе.

Проводы были очень тёплыми и душевными. Пришли несколько самых близких друзей, старших товарищей (друзей брата, с которыми у меня тоже были хорошие, дружеские отношения, поскольку они знали меня с самого детского сада), мой инструктор по туризму Александр Евгеньевич со своей женой, сестра, родители, бабушка и любимая подруга. В какой-то момент подключились по скайпу брат и его армейский друг Кеша: оба были одеты в тельняшки. Поздравляли, выпивали. Если посмотреть со стороны, то внешне застолье выглядело как любой другой праздник. Но если заглянуть глубже, то понимаешь – такой повод собраться в жизни мужчины бывает один раз. Тебя провожают на службу, и дай Бог вернуться со щитом, а не на щите. Помимо самого застолья, был ещё и небольшой спектакль. Сценарий написал мой брат, а сестра и два моих друга его сыграли. Мы все катились по полу от смеха. Во-первых, сценарий и стихи были написаны специально для моих проводов, а во-вторых, какая же была актёрская игра! Блеск! Если бы не этот спектакль, то проводы бы не сильно отличались от простого застолья.

Но всё же отличались бы. Чем же?

Уже говорил, но это важная мысль, её стоит повторить: такое бывает только раз в жизни мужчины. Дни рождения, свадьбы, любые другие праздники и поводы для застолья ещё будут, и не раз. Проводы – событие, которое уже не повторится. Поэтому очень важно будущему военному видеть добрые, близкие и любящие лица, чтобы он понимал, ради чьего спокойствия он идёт отдавать свой долг.

Хорошо, когда среди близких есть люди, которые тоже служили, и они готовы поделиться своим опытом, тем самым подготовить к ситуациям, которые могут возникнуть. Да и вероятность не вернуться со службы никто не отменял. Такое бывает и в мирное время, не говоря о военном. Поэтому в проводах важна больше не внешняя часть, а внутренняя. Я понимал, что все эти люди любят, ждут и ценят меня. Это мой надёжный тыл, в котором обязательно поддержат верой, надеждой, молитвой, письмом. В этом случае мне ничего не оставалось, кроме как просто идти и достойно исполнять свои обязанности, зная, что всё не зря. Они и есть смысл моей службы.

Одним из пожеланий было запомнить этот день и пронести чувство поддержки близких через всю свою службу, а возможно, и через всю свою жизнь. Поймать это чувство и не отпускать.

В комнату прибежала сестра:
– Фейерверк!

Очевидно, в городе был какой-то праздник. А, ну да, мои проводы! Мы все высыпали на балкон. Обнимались и сдерживали слёзы, разглядывая вспыхивающие цветы в небе.

Теперь только полный вперёд!

«Основным источником всех происходящих с нами событий является духовное состояние», – так однажды сказал богослов Алексей Ильич Осипов. Я с ним полностью согласен. И если есть возможность как-то повлиять на духовное состояние, то это непременно нужно делать. Потому как порой бывает, что уходят на службу без проводов. Иногда в силу непонимания, для чего это нужно. Кто-то ссылается на материальные трудности, кто-то ещё на что-то. Но, повторяюсь, важна не внешняя, а внутренняя часть этого процесса. В случае, если не провожать, человек лишается связи с близкими, духовной поддержки и почвы под ногами. Служить в таком состоянии – хуже некуда. Древние греки говорили так: «Есть два типа людей. Живые и мёртвые. А есть те, кто в море». Вот за них-то и надо молиться, чтобы они имели возможность вернуться.

В Питере меня ждали вторые проводы. Ещё бы, здесь я провёл самое интересное и беззаботное студенческое время. Пришли друзья: с тренировок, работы, учёбы, из общаги, – всем им тоже очень хотелось меня проводить, тем более что в это самое время в городе была ежегодная «Ночь музеев». Тоже вот неспроста: меня провожал уже второй город. Там – фейерверк, тут – ночное гуляние. Я сказал друзьям, что

прежде, чем мы с ними как следует отождём и проводим меня на флот, я бы хотел поиграть музлом на Невском. Если хотите, подтягивайтесь, а нет, так встретимся уже позже, так сказать, на официальной части.

Совместные импровизации мы придумали играть с соседом по квартире Юфом. Мы тогда снимали одну из тех трёхкомнатных квартир на «Чернышевской». Юф очень сильно увлекался музлом, игрой на барабанах, перкуссии, аккордеоне. И вот как-то я слышу, что он играет на томах (традиционных африканских барабанах) в своей комнате. Играет один. Его это вполне устраивало, но я предложил попробовать сыграть вместе. Притащил беримбао (афро-бразильский струнный музыкальный инструмент, являющийся душой капоэйры, потому как задаёт темп музыке и игрокам-бойцам. Каждый капоэйрист обязан уметь на нём играть), и пошло-поехало. Мы играли почти каждый день по несколько часов, создавая какие-то немислимые ритмические рисунки и вибрации. Соседи по квартире приходили и просили разрешения тихонько поваляться в комнате на ковре и послушать музыку. Нас пёрло – мы не возражали.

В какой-то момент Юф предложил пойти поиграть на улице. Выйти, так сказать, из зоны комфорта. Мы ходили с десятков раз, и всегда это был какой-то незабываемый вечер, заканчивающийся под танцы с бубнами возле Вечного огня на Марсовом поле. Музыкант музыканта видит издали. Услышал. Увидел. Давай знакомиться. Давай вместе играть. Всё

очень просто. Смотри, что у меня есть! А смотри, что у меня есть! Угощаю! Душа нараспашку. Так, где тут ближайший магазин «24 часа», в котором можно купить спиртное?

Но этот вечер был особенным. Мы пришли на привычное место – угол Малой Садовой и Невского проспекта. Заранее позвонили нашему общему знакомому Михаилу, которого встретили однажды на том самом месте, и прекрасно сыгрались. Он играл на диджериду (духовом музыкальном инструменте аборигенов Австралии). Сказал, что обязательно будет. И вот втроём шаманим с инструментами трёх континентов, прокачиваем собравшихся вокруг нас прохожих и всё пространство в радиусе километра. Это было незабываемо! Все веселятся, танцуют и угорают. Кто-то из толпы то и дело пытался выяснить у нас, куда положить деньги. Мы удивлённо говорили, что играем просто так, для себя, для души. Но люди возражали, что им нравится, и хотели отблагодарить монетой. Мы положили на тротуар чехол от барабанов, в него тут же посыпались пиастры.

Позже, естественно, нас разогнали блюститители порядка, мол, жалоба поступила из соседнего квартала – шумно. Пошумели тут, и хватит. Идём шуметь в другом месте!

Решили скинуть музыкальные инструменты дома и пойти гулять по ночному Петербургу уже всей компанией, желающей меня проводить. Идём, никого не трогаем, и тут прямо на нашем пути останавливается старый белый микроавтобус «Фольксваген», двери открываются, и вместе с клубами ды-

ма вываливаются друзья. Первыми выскочили Лёха Климов и Ваня Земляной.

– Э, морячок, прыгай в тачку!

– Бля, как вы тут оказались?

– В смысле, как? Тебя провожать приехали!

– Да ну на фиг! Я думал, вы случайно тут проезжали и, увидев нас, остановились.

– Ты охренел, что ли? Неужели ты думаешь, что бывают такие случайности!

– Теперь уже, видимо, нет.

– Хватит пиздеть. Запрыгивай. Погнали!

– Так ты смотри, сколько со мной людей.

– Пофиг, запрыгивайте все. У нас хоть и микро-, но автобус.

Нас было десять. Ехали очень весело, даже успели по дороге сделать всё, что хотели. Трезвым был только водитель. Но уверенности в этом не было, поскольку можно было изрядно надышаться дымом и парами алкоголя. Завезли домой инструменты, напоили водителя, чтобы никуда не уехал, и отправились запускать китайский фонарик. Уж не помню, откуда он взялся, но он оказался очень кстати: простой и понятный символ улетания вдаль. Вот и я, как он, послезавтра улечу в неизвестность. А пока куча друзей и доброе веселье.

На следующий день я посадил дерево.

Ярослав и Ярослава Скворцовы подарили мне от своей семьи саженец дуба. Мы встретились недалеко от моего дома.

– Андрюха, ты помнишь фильм «Леон»?

– Конечно помню.

– Надеюсь, ты поймёшь наш подарок.

Достают из багажника машины саженец. Так, думаю, что здесь происходит?

– Ты нам очень дорог, и мы хотим, чтобы ты наконец пустил корни, как в том самом фильме...

Долго обнимались, и не хотелось расставаться. Я чуть не расплакался. Это было очень сильно и по-настоящему.

В этот же день я решил пустить корни, посадив этот саженец у дома Вики. Была на тот момент у меня девушка, к которой испытывал тёплые чувства. Я хотел, чтобы этот дуб напоминал ей обо мне и крепчал от её заботы о нём. Да и другого места, чтобы посадить его, не было. В парках все деревья под счёт, а тут – на пустыре, возле дома, – мешать никому не будет. К тому же есть кому присмотреть.

Мы встретились с Аркахой и Богданом. Это одни из первых друзей, которые появились у меня в этом городе. По образованию оба философы. Ох, сколько времени мы провели вместе, слушая тонны музыки и пускаясь в «невнятные разговоры о сути», как мы в шутку называли наши сложные разговоры, в которых прекрасно понимали друг друга.

Загрузили в машину саженец и лопату, отправились в путь. Ехали весело, вспоминали старые приколы и выдавали новые. Обсудили тот самый фильм «Леон» и фразу «пустить корни». Мимо проносились близкие душе и сердцу пейзажи, которые я, скорее всего, увижу ещё ох как нескоро. Радовал сам факт того, что еду с друзьями делать необычное, но

важное для нас дело. До этого момента никто из нас раньше не сажал никаких деревьев. Подъехали к дому, выгрузились. Нашли подходящее место для посадки, такое, чтобы никому этот молодой дуб не мешал и чтобы Вика могла наблюдать за ним со своего балкона. С посадкой справились довольно быстро. Ещё и с погодой повезло, что было довольно кстати. Впоследствии это превратилось в очень яркие воспоминания.

Новоявленный дуб надо было чем-то укрепить. Мы нашли какую-то палку, воткнули рядом и подвязали ниткой. Я решил, что надо что-то подложить между саженцем и слоем ниток, чтобы они не перетёрли его при сильных порывах ветра. Оглянулся и увидел пустую пачку от сигарет «Пётр-I». Ну вот, порядок. «Пётр-I» и дуб.

Теперь можно идти служить. Всё, что мог и хотел, сделал.

Глава 3. ПРИЗЫВ

Утро 17 мая 2010 года.

Я приехал в военкомат, по совпадению – тот же самый, в который я первый раз принёс свою странную на тот момент идею: служить в армии. Идея обросла действием и первым результатом: в компании ещё нескольких человек я топтался в ожидании отправки.

У меня с собой было минимум вещей: пара блокнотов, пара авторучек, одноразовые бритвы, пена для бритья, крем для обуви, иголки, нитки, трусы, носки – в общем, ничего примечательного и запрещённого, кроме документов, по которым меня должны были отправить на ТОФ. Думаю, что так основательно к походу в военкомат мало кто готовился и таких бумаг не было ни у кого, даже похожих. Денег брал с собой рублей пятьсот. Так, на всякий случай. А зачем они мне? Теперь обо мне позаботится Родина. А я о ней. К тому же меня предупреждали старшие товарищи, что лучше при себе вообще ничего не иметь с гражданки. Во-первых, могут отнять, а во-вторых, так самому проще – не иметь никаких привязанностей.

Мы сидели и ждали служебный пазик, который должен был отвезти нас в центральный распределитель города Санкт-Петербурга. Ждали около часа, а потом выяснилось, что автобус всё это время тоже ждал нас у ворот. Загрузи-

лись в машину и стали смотреть в окна на девушек, провожавших некоторых из нас. Погода стояла тёплая, но моросил мелкий дождь, похожий больше на повисшие в воздухе слёзы провожающих. Время как будто тоже повисло. Пазик тарахтел, но не двигался с места, заставляя нас продолжать смотреть, как плачут подруги. Махать им руками в окно – самый дурацкий способ помочь облегчить минуты расставания. Наблюдать эту картину со стороны вряд ли было приятно; оказаться на их месте и вовсе не хотелось. Но внутри автобуса никто из нас не мог ничего сделать. Нельзя было выйти и успокоить их. Да и толку-то? Всё равно надо будет зайти обратно, и тогда всё по новой. Душераздирающая картина.

Не могу сказать за всех, кто был со мной в машине, но я думал лишь о том, что лучше скорее отправиться в неизвестность, чем наблюдать эту застывшую зыбь. Автобус стоит, как будто желает вытянуть все слёзы из девчонок. Все, досуха. Словно это его топливо.

Мы подъехали к распределителю, зданию, известному каждому призывнику. Именно оттуда я провожал нескольких своих питерских друзей на службу, не имея в голове ни намёка на мысль, что когда-то сам тут окажусь. Машина въехала на территорию военной части, и ворота закрылись. «Ага, чтобы не сбежали. Птички в клетке», – подумал я. Приключения начинаются. То есть продолжают.

Мы вышли из машины. Я спросил у сопровождавшего нас прапорщика:

– Каков дальнейший план наших действий?

– Да покурите пока.

Спорить не стали. У меня была с собой початая пачка сигарет. Осталась с проводов. Стабильно никогда не курил, так, баловался, что называется. Но я чётко понимал, что лучше не брать с собой эту привычку на службу. Там и так придётся терпеть тяготы и лишения, так зачем мне к этому набору добавлять ещё и постоянное желание курить? Я достал одну сигарету и оставшуюся пачку отдал парню, который, как выяснилось из разговора на перекуре, бросать не собирался. Ну ладно, на здоровье. У меня с этим вопрос был решён.

После того как все подышали тёплым майским воздухом, мы пошли оформлять документы и получать военную форму. Документами занимался сопровождающий, а с формой каждый разбирался самостоятельно. Ещё на проводах дома мой инструктор по туризму сказал, чтобы я обязательно постарался получить или выменять каким-либо образом одежду, а главное – обувь своего размера, ведь в ней придётся ходить весь срок службы. Форму-то подшить под себя можно, а вот обувь подшить сложнее. Я получил свой комплект и пошёл переодеваться. Форма была велика, а берцы малы. Подошёл к кладовщикам:

– Парни, надо всё поменять.

– Зачем?

– Ну как зачем. Всё не по размеру.

– У всех так.

– Мне не надо как у всех, мне надо по размеру.

– Да не парься ты, потом поменяешься с кем-нибудь.

– Да, да. Знаю я эту историю, потом мучиться всю службу.

Если есть мой размер, то давайте всё-таки поменяем. Вам, может, надо чего? У меня есть немного денег.

– Смотри, настырный какой. Все надевали, что им выдавали, и больше не возвращались, а этому надо, чтобы всё как положено было. Ты откуда такой? Из города или области?

– Из города. Центральный район.

– О, Сань, с твоего района чел. Ладно, давай сделаем нормально. Денег нам твоих точно не надо. Самому пригодятся. У нас всё есть. Скоро самим домой.

Забрав одежду и обувь, солдат ушёл на склад. Вернувшись, сказал:

– Вот тебе камуфляж старого образца. Таких на складах осталось буквально пару штук. Они хороши тем, что материал в них плотнее. А ещё со временем краска выстирывается, выцветает, и он становится похож на старую советскую гимнастёрку песчаного цвета. У меня как раз такая. Берцы лучше меряй с тёплым носком.

Я поблагодарил и пошёл переодеваться. На этот раз все было как по мне шито. Радость, восторг, комфорт. Гражданскую одежду надо было либо отдать провожающим, либо выбросить в специальный бак, а потом её сожгут. Я знал об этом и специально надел то, что не жаль будет выкинуть. Расставание с одеждой превратилось в ритуальное жертво-

приношение. Гори оно всё синим пламенем. Пожелал парням скорейшего окончания службы и пошёл выяснять, кто и когда меня должен отправить на флот.

Про мой флот никто ничего не знал, зато появилась возможность прогуляться по улице. Такая удача выпала тем, кого назначили ответственными за обеспечение обеда. Я вызвался сам, поскольку без дела сидеть совсем не умею, а тут какой-то новый опыт. Нам нужно было взять армейские термосы и отправиться в соседнюю часть за едой, потому как своей кухни в нашем призывном пункте не было. Старшими с нами отправили троих лейтенантов. Вышли, построились. Разобрались по двое. Идём, а вокруг всё другое. Город другой. Воздух другой. Небо другое. «Как так?» – подумал я. И понял. Это я теперь другой. Сейчас по городу шёл совсем не тот человек, который прибыл сегодня утром в призывной пункт. Шёл не один или, как обычно, со своими друзьями раздолбайской походкой, а в строю и с совершенно незнакомыми людьми, да ещё и с армейскими термосами за плечами. Это был человек в новой, ещё пахнувшей сырым складом форме. В новой форме себя самого. Потому и вокруг всё было непривычным. Те, кто служил, знают, что такое военная форма. Надеваешь её и чувствуешь себя совсем иначе. Если кто-то не в курсе, то чисто для эксперимента можно надеть на себя деловой костюм. Сразу уловите отчётливые перемены в сознании, которые, конечно, никоим образом не сравнятся с ощущениями от формы военной. Особенно если это

не просто примерка, а всё по-взрослому, по-настоящему — надел и пошёл исполнять долг.

Мы добрались до части. Набрали в термосы гречневую кашу, суп, чай. Как опытный турист, я подставил свой термос под кашу. Термосы были старые, крышки у них прилегали не плотно, и потому можно было наплескать себе за шиворот часть содержимого. А кашу не прольёшь, хоть по горам бегай. Пока шли обратно, то, чего я опасался, как раз и случилось с одним из бойцов, который нёс суп. Хорошо, суп был не сильно горячий, но приятного всё равно мало. Только получил форму со склада, и уже нужно стирать.

В тот день был ещё один медосмотр. Нас отправили в большую комнату, где по периметру стояли столы с сидящими за ними врачами. Призывники в трусах и тапочках по очереди подходили к первому столу, говорили: «Жалоб нет» — и шли к следующему столу сказать то же самое. В этой толпе я заметил одного совсем молодого парня.

Мы-то там, конечно, все не старики были, но этот явно только школу окончил. Опять же, тех, кто только что окончили школу, было много, но это был самый шустрый. Как я уже говорил, форма одежды была «трусы-тапочки», но в нужный момент у этого парня из-под мышки появлялся телефон, в котором он кому-то писал, или быстро отвечал на звонок. А потом так же ловко прятал его у себя под мышкой. Всё это происходило так быстро, что было похоже на фокус. Кроме меня, этого не видел никто. После осмотра я подошёл

к нему:

- Ловко ты это с телефоном.
- С каким? – прикинулся тапком пацан.
- Который ты прятал в подмышке.
- Сильно заметно было? – расстроился он.
- Вроде, кроме меня, никто не видел. Но ты поосторожнее. Запрещено же.
- Я думал, что никто не видит. А, в принципе, пофиг. Что они сделают? Мы ещё присягу не приняли.
- Ну да, не приняли. Накосячишь – будешь её принимать в хреновой части. Тебя когда отправляют?
- Не знаю. Пока ничего не понятно. А тебя?
- Должны были сегодня, но, видимо, уже не сегодня.
- А, ну, значит, вместе и отправят.
- Да, наверно. Как зовут?
- Рома.
- Андрей. Тут это, есть возможность на улицу выйти.
- В смысле? Нас же уже, считай, закрыли.
- Три раза в день здесь ходят в другую часть за едой, так как своей столовой нет. Надо вписаться в ответственных за доставку, и в одно и то же время будешь идти по городу. Раз ты на связи, то можешь позвонить друзьям. Если захотят с тобой встретиться, то есть такой вариант.
- Круто! Спасибо!
- Я в следующий раз обязательно пойду.
- Тогда и я тоже.

Днём мы, как и планировали, пошли за едой в соседнюю часть.

День был солнечный. С нами отправились всё те же лейтенанты, однако, увидев на выходе кого-то из наших с Ромой подруг, они напряглись. «Ну пришли подруги повидаться, ну да, вместе сходим за едой. Что вам жалко, что ли? Надо вот пальцы позагибать? Не увидимся же год, а то и больше. Как можно этого не понять?» — думали мы. Подруги-то с нами так и прогулялись, а вот лейтенанты вели себя несколько неадекватно. Видно было, что молодые ещё. Хотели понтануться перед девчонками, показать свою власть, в попытках нас застроить. Одному из них прямо так и хотелось дать в морду, потому как больше всех возмущался и настраивал своих сослуживцев против нас. Мы конфликтовать не стали. Ещё вся служба впереди.

После обеда я снова пошёл выяснять, что с моей отправкой. После хождения по кабинетам стало понятно, что за мной никто не приедет, несмотря на устные и письменные договоренности с Тихоокеанским флотом. Удалось выяснить, что только через два дня планируется отправка на Балтийский флот и, скорее всего, меня отправят туда. Мне было важно попасть именно на корабль, поэтому я доставал

вопросами всех, кого мог. Мне объяснили, что за отправку на корабль здесь не отвечают. Если повезёт на дальнейших этапах отбора, то попаду, а нет – так нет.

Конечно, я был немного расстроен и выбит из колеи. Всё шло по плану, но, к сожалению, не по моему. Однако жизнь продолжалась, и надо было чем-то себя занимать. Взял вещмешок и решил его подписать. Помню, с таким вещмешком в юности ходил в походы и регулярно ездил на велосипедах с отцом на огород. Отец-то мне и поведал, зачем в этом вещмешке кожаная рамка с прозрачной защитной плёнкой. Чтобы его можно было подписать. Указать содержимое, номер либо фамилию бойца, отвечавшего за него. Упаковавшись как следует, оставив в мешке всё своё имущество, я вырвал из блокнота небольшой лист бумаги. Написал на нём свою фамилию, вложил в тот самый карман и поставил в ряд с другими такими же мешками, только без опознавательных знаков. Посмотрел и остался доволен результатом.

Тем, кого не забрали в этот день, выделили койки и тумбочки для ночлега. Было полно свободного времени, и я пошёл разведывать обстановку. У меня был с собой зефир из дома, осталось раздобыть чай. Зашёл в столовую, встретил там дежурного и спросил, нет ли чая. Оказалось, что есть, но только для тех, кому не лень проявить настойчивость. Разговорились, я предложил к чаю зефир. Он отказался, объяснив это тем, что через пару месяцев будет уже дома и давно скучает по нормальной домашней еде, а не по баланде, что

тут дают, и всякой сладкой ерунде. Мимо проходил один из лейтенантов, с которыми мы ходили за обедом. Увидев меня, он удивился:

– Ни фиги себе, ты уже тут чай пьёшь!

– Ну да.

– Быстро освоился.

– Стараюсь.

Закончив с чаем, пошёл спать. Весь этот странный нервный день сильно утомил меня, я быстро уснул в незнакомом месте. Проснувшись, с удивлением ощутил привычность происходящего: всё, я здесь, это моя новая реальность.

День службы прошёл. Впереди ещё один точно такой же. Приходили новые призывники, им так же выдавали одежду, вещмешки и прочее. Кого-то куда-то отправляли, а нас, прибывших вчера, ещё нет. И вот очередной группе скомандовали: «С вещами на выход!» Парни похватали мешки и двинули в сторону выхода. Смотрю, что-то знакомое мелькнуло в проходе. То, что отличалось от всего вокруг одинакового. Мой вещмешок! Какой-то парень взял его по ошибке, просто из кучи одинаковых. Я метнулся на выход, останавливаю его:

– Это мой мешок!

– Да с хера ли?

– Бирку видишь? Это моя фамилия.

– А где тогда мой?

– Понятия не имею. Иди ищи.

Не знаю, нашёл он его или нет. Вряд ли. Интересно, сколь-

ко ещё таких историй случалось? Ладно мешки, детей иногда в роддомах путают. Но в мешке были все мои документы, по которым я должен был попасть на Тихий океан, а ещё был блокнот с адресами и переписанными номерами из телефона на случай, если телефон отождут. Вот это была бы потеря. Отправят фиг знает куда, и никому не сообщишь, потому как телефонов наизусть я не помнил, как не помню и сейчас. Отцовское пояснение о том, зачем этот кармашек с плёнкой, в итоге помогло сохранить самое ценное.

Наблюдавший за этой ситуацией Рома молча встал и пошёл подписывать свой мешок.

После обеда объявили время отдыха. Я немного офигел. Что это такое – время для отдыха? Тихий час? Как в детском саду? Спать мне, конечно же, не хотелось. Пытаясь занять себя, нашёл книжную полку, но на ней было всего две книги. Первая была каким-то детективом, а вторая про ангелов. Я, как человек верующий, заинтересовался второй. Название точно не вспомню, но было что-то вроде «Небесные заступники воинства». Начал читать. Увлёкся. В книге говорилось о том, что у каждого из нас есть как минимум четыре заступника-архангела: справа нас защищает Михаил, слева Гавриил, впереди Рафаил и позади Уриил. Для каждого воина важно знать, что он не один, что есть кто-то, кто подставит плечо. Мне это было важно. Я в принципе и так знал, что все мы под одним небом ходим и что за нами приглядывают сверху, но, чтобы вот так с четырёх сторон была защи-

та, узнал впервые. Признаться, меня это несколько потрясло. Также было сказано, какой архангел за что ответственный:

- Архистратиг Михаил – первый и самый главный заступник христианина от извечного зла. К нему прибегают в тех случаях, когда опасаются нападения вечного врага, а также перед отправлением в путешествие, в болезнях и в иных житейских трудностях.

- К архангелу Гавриилу обращаются в тех случаях, когда нужно принять какое-либо сложное решение или наставить на истинный путь «споткнувшегося» человека.

- Рафаилу молятся те, кто ждёт исцеления от хворей, кто отправляется в далёкое путешествие, кто столкнулся с какой-нибудь сложной проблемой.

- К Уриилу обращаются с молитвами об «озарении», просвещении умов тех, кто ещё не уверовал, о наставлении на праведный путь тех, кто сбился с него. Помогает он также и тем, кто учится и постигает науки.

Прочитав это, я почувствовал присутствие архангелов рядом. Обратился к каждому отдельно и ко всем вместе за помощью в своей службе. План мой по отправке на Тихий океан рушился, поэтому надеяться больше мне было не на кого, кроме как на высшие силы.

Стрижка

Дело было к отбою. Было понятно, что завтра нашу группу должны куда-то отправить. Куда – пока неизвестно. Но вспоминая слова военкома, что обязательно отправят на флот,

было как-то немного спокойнее. Флот и флот – какая теперь разница.

У меня на тот момент была короткая, но всё же гражданская стрижка. И кто-то из старших, с кем я успел за эти два дня подружиться, сказал:

– Слушай, а давай-ка я тебя подстригу. Приедешь в часть, будешь уже готов, и тебя там сразу нормально примут.

– А это так важно?

– Ну конечно. Если ты лысый, то уже на один повод меньше, чтобы до тебя доебаться.

– Да? Ну тогда, конечно, давай!

Впервые за всю свою жизнь я подстригся налысо.

Я смотрел на себя в зеркало, с удивлением узнавая и одновременно не узнавая человека в отражении. Нового меня делали не какие-то наращивания и приобретения – нет. Нового меня делали вычитания: вот я лишился дома, потом одежды, теперь – волос. Постепенно от меня отнималось всё наживное, оставался только я сам. Было непривычно, но что-то в этом было. Мне нравилось. Глядя на меня, и Рома подсуетился, обратившись к старослужащему, который только что меня подстриг:

– Слушай, а меня можешь подстричь?

– Вообще-то, не планировал.

– Ну что ты, зря машинку, что ли, доставал?

– Нет, не зря. Вот, бойца подстриг.

– Ну подстриги, пожалуйста, и меня. Я всё уберу и под-

мету тут.

– Ну ладно. Садись.

Потом был отбой, и совсем не спалось, потому как следующий день был полной неизвестностью. Я лежал в темноте, а в голове крутились всевозможные варианты развития событий. Но что я тогда мог знать, что мог прогнозировать? Ничего. Скорее бы завтра, пусть всё начнёт происходить само, как оно будет.

Глава 4. «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

День второй

Проснулся за полчаса до подъёма. Не терпелось скорее свалить из этого распределителя и приступить к настоящей службе или просто иметь хоть какую-то определённость.

После завтрака сказали быть готовым к отправке. Я уже два дня как был готов. Заодно выяснил, во сколько за нами приедет автобус. Отправка намечалась на обеденное время, поэтому нам выдали сухпайки. Есть совсем не хотелось, хотелось движухи. Я позвонил своим друзьям и сказал: «Если хотите проводить, то в 12:00 подходите к воротам». Когда мы вышли к автобусу, на улице меня ждали Богдан, Аркаха, Ярик, Лёха, Женя, Вика. Было очень радостно видеть такую большую группу поддержки. Радостно и в то же время немного печально, поскольку все они останутся здесь, а я отправлюсь в неизвестность. Печально не за себя, а за них. Как они будут тут без меня? Тяжело было прощаться, ведь с каждым нужно было проститься лично и за короткое время. Парни вели себя мужественно. Аркаха и Богдан, как истинные философы, давали мудрые советы и наставления. Девчонки в слезах. И не было ничего ужаснее в этот момент,

как их успокаивать. Ярик был занят своим любимым делом – фиксировал реальность на фотоснимках, за что теперь, спустя годы, я ему очень благодарен!

Удивил Лёха. Я уже стоял перед входом в автобус под взором мрачного майора, как вдруг Лёха протягивает мне руку для рукопожатия и говорит:

– Держи, доберёшься – отзовонись Кришне.

В его ладони, а теперь уже в моей, оказался маленький свёрток. Мы оба расплылись в улыбке, как Чеширские Коты. «Отзовониться Кришне» означало покурить. Спрятав свёрток поглубже в карман, я залез в автобус и продолжил разговор, стоя в дверях до самого отправления. Безмерно был рад и благодарен, что пришли проводить. Но долгие прощания – лишние слёзы.

Поехали!

Нас везли, и никто не знал куда. Весь город с нами прощался. Хотелось забрать его целиком с собой. Я всверливался взглядом в каждый угол дома, в каждую крышу, в каждую водосточную трубу. Среди труб попадались и те, которые я сам когда-то монтировал, вися на верёвках, бурясь перфоратором, а затем вбивая тяжёлым молотком кронштейны в

стены. У меня тут была целая жизнь! Насыщенная, интересная, увлекательная. А что теперь?

«Делай, что должно, – и будь что будет!»

Через четыре часа нас привезли в войсковую часть в г.Пушкин. Неужели вот тут мы и будем служить? А как же море? А корабли? Мысли о том, что всего этого я не увижу, не давали мне покоя. Но сразу выяснилось, что здесь мы только переночуем, а утром нас отправят куда-то дальше. Всех разместили в одной казарме и закрепили за нами старших из числа служивших в этой части солдат. Старшие с грозным выражением лица настоятельно попросили оставить после себя такой же порядок, как и был до нас. Сразу было видно, что мы им не нравимся. Их можно было понять. Мы приехали, за полдня всё засрали, а им потом убирать.

Дело было к вечеру. Нас вывели на прогулку. Я разыскал Рому и сказал ему, что у меня с собой есть то, что везти дальше никак нельзя (подарок от Лёхи). Роман чуть не подпрыгнул от удивления и радости.

– Круто! Когда? Где?

– Не торопись. Для начала нужна сигарета. Свои я все отдал.

– Так вон стоят курят. Я сейчас!

Вернувшись через минуту, он передал сигарету мне.

– Держи. Когда замутим?

– Я приготовлю, а там посмотрим. Завтра будем искать момент. Сегодня нас уже на улицу не выведут.

– Хорошо. Держи в курсе.

– Ага.

После отбоя я пошёл в туалет. Достал свёрток, в котором оказались приятно пахнущие сушёные зелёные листья. Забил их в ту самую сигарету трясущимися от страха быть замеченным руками. Аж вспотел. Но не заметили. Спрятав сигарету в корешок от записной книжки и уложив её в нагрудный карман, я вышел. В коридоре меня уже ждали двое старших. «Ну всё, попался, Серёжа» (строчка из песни группы «Ленинград» – прим. авт.,) – подумал я.

– Э, слышь, ты чё там так долго?

– Да живот разболелся.

– Спать иди. Пасти вас тут никакой радости нет.

– Иду, иду.

– Чтобы больше тебя здесь не наблюдали.

На ходу переводя дух, пришёл на своё место. Проходя мимо койки Романа, кивнул, мол, всё нормально. Лёг спать.

Рано утром нас погрузили в несколько автобусов и привезли на аэродром. На взлётке стоял военный борт Ил-67. Вот это был сюрприз! Мы не ожидали, что куда-то ещё и полетим, оттого все приятно переволновались. На обычных-то самолётах не каждый летал, а на военном – тем более! Нас было больше сотни таких счастливчиков. Когда самолёт был готов к погрузке, кто-то из офицеров громко скомандовал:

– Перекур! Через пять минут всем быть на борту!

Ну что ж, мы теперь люди военные, поэтому всё по ко-

манде. Перекур – так перекур. Отошли с Ромой со всеми, кто желал перекурить. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, решили курить в общей толпе. Я достал из нагрудного кармана свою заначку и попросил у стоящего рядом парня прикурить. Запах, который невозможно было ни с чем перепутать, сразу развернул в мою сторону около десятка голодных глаз. Сделав затяжку на четверть сигареты, я отдал её Роме. Рома едва успел сделать затяжку до половины, как владельцы тех самых глаз ринулись к нам! Мы понимали, что спокойно докурить нам никто не даст, и отдали оставшуюся половину, пока эту сигарету не вырвали прямо с руками. Как же нас тогда вштырило! Не столько от курева, сколько от дерзости самого поступка и окружающей обстановки. А потом, также по команде, мы ржали и бежали на борт самолёта.

Взлётное поле, позеленевшие вдали деревья, мы – зелёные во всех смыслах – хохочем и, подхватывая друг друга, бежим к огромному серому самолёту, который сейчас подхватит нас, уже взлетевших, подхватит и понесёт ещё выше.

Все расселись по обоим бортам и пристегнули ремни. Самолёт выглядел очень старым, и было непонятно, взлетит ли. Ждём. Каким-то чудом пилоты смогли поднять его в воздух.

Как только оторвались от земли, все замолчали. Заткнулись даже самые шумные. До всех вдруг дошло, что эта грохочущая, трясущаяся махина летит вместе с нами. Всё, что мы ожидали в будущем, отменилось, теперь важно было

только приземление. Мы ловили взгляды друг друга и понимали, что нас накрыло одной той же волной: мы не волновались, мы охуевали от серьёзности происходящего. Это было первым звонком ответственности за принятое решение. Мы все как-то резко повзрослели на этом борту, понимаете? Как минимум в нас всех запустился механизм, отвечающий за новый этап взросления.

Летели недолго, часа полтора. Приземлились в Калининграде. Ни разу не бывал в этих краях. Выйдя из самолёта, сразу почуял иной воздух: на выдохе облегчения вдохнул воздух новой жизни, он пах морем. Оно было близко, и это отменяло переполнившую меня тревогу.

Глава 5. КАЛИНИНГРАД

Нас погрузили в автобусы и отвезли в воинскую часть, откуда в дальнейшем мы должны будем отправиться к месту несения службы. Именно здесь определялась судьба каждого: будет это море или суша. Всех прибывших собрали в клубе, где сначала томили долгим ожиданием, а после провели повторный тест на профпсихотбор с кучей скучных вопросов, от которых хотелось только спать:

1. Одиннадцатый месяц года – это:

1. Октябрь.

2. Май.

3. Ноябрь.

4. Февраль.

2. «Суровый» является противоположным по значению слову:

1. Резкий.

2. Строгий.

3. Мягкий.

4. Неподатливый.

3. Какое из приведённых ниже слов отлично от других:

1. Определённый.

2. Сомнительный.
3. Уверенный.
4. Доверие.
5. Верный.

4. Ответьте «да» или «нет».

· Сокращение «н. э.» означает: «нашей эры» (новой эры)?

5. Какое из следующих слов отлично от других:

1. Петь.
2. Звонить.
3. Болтать.
4. Слушать.
5. Говорить.

Вопросы усыпляли, но уснуть не давало чувство голода. Примерно за час разобрались с этим тестированием. Ещё через полчаса прибыл какой-то замполит, провёл беседу и раздал нам сим-карты. Отлично, связь есть, это успокаивает. У каждого на карте уже было сто рублей, чтобы позвонить или отправить СМС.

Потом все пошли оформлять документы. Каждого из нас сфотографировали, заполнили какие-то бланки, сложили в личные папочки – завели на каждого своего рода дело. Вот по этим делам и документам отбирали бойцов в свои части

«покупатели»: приезжает откуда-то офицер или кадровик и говорит: «Так, мол, и так, нужны такие-то специалисты или совсем не специалисты». Ему дают эти документы, и он отбирает тех, которые его устраивают, а потом вызывает по одному для беседы. Звучит просто, а на деле лютая суматоха. Гоняют то туда, то сюда. Все бегают и орут. Надо быть начеку и не прощёлкать, когда назовут твою фамилию. Дошло дело и до меня.

Я зашёл в кабинет: восемь столов, за каждым сидел такой «покупатель». Меня пригласили к одному из них. Беседу со мной вела женщина. Как я понял, это был мой единственный шанс как-то повлиять на весь ход событий. Я подумал, что женщины более чутко относятся к мужским мечтам, стремлениям и амбициям. Как же я ошибался... Мне пришлось рассказать ей всю свою историю: что я после университета, что хочу на действующий корабль, что связывался с Тихоокеанским флотом и имею оттуда рекомендательные письма и прочее. Она смотрела сквозь меня пустым и отрешённым взглядом. Выслушав, кивнула и написала в своём журнале напротив моей фамилии – «СТРЕЛОК».

Что ещё, блядь, за СТРЕЛОК? Я вышел из кабинета в полном недоумении и как будто пытался разгадать смысл этого слова. Какой стрелок? Куда стрелять? В кого стрелять? Через некоторое время я увидел Романа, который, как оказа-

лось, тоже общался именно с этой загадочной женщиной.

– Что у тебя?

– Стрелок.

– И у меня стрелок, но что это – никак не понять. Одно радует – похоже, в одной части служить будем. Хотя бы корабль.

– О нет, я не сильно на корабле хочу служить.

– Да ты чё! Корабль – самая тема.

– Да мне, в принципе, похрен, куда нас вообще пошлют. Лишь бы поскорее это произошло и дали поесть. С утра голодом морят.

В этот момент объявили долгожданный обед. Те, с кем уже пообщались «покупатели», могли спуститься во двор к полевой кухне. В воздухе стоял приятный запах гречки с тушёнкой и чёрного хлеба. Нас построили в колонну по трое по направлению к раздаче. Одна неувязка – мисок и ложек было на одну группу в тридцать человек. Первой группе повезло больше: они разобрали миски и пошли получать еду. Все остальные стояли и ждали, пока они поедят, вымоют свою посуду здесь же, на улице, из шланга и передадут её следующим уставшим от ожидания новобранцам. В этом-то строю мы с Романом и увидели у одного парня хороший мобильный телефон с цветным экраном. Точнее, Ромка увидел и кивнул мне:

– Вот на хрена этому болвану с собой такая труба?

– Ну да, парень какой-то не сильно крепкий, скорее всего, ему придётся с ней расстаться, как только доедет до своей части. А тебе-то что? Это его дело.

– Да трубу жалко. Надо у него её выменять.

– На что ты собрался её менять?

– Попробую на свою с доплатой.

– Ну, твоя ему точно не нужна, а денег ни у тебя, ни у меня нет, да и ценности в них сейчас ноль.

– погоди, у тебя ведь тоже с собой труба?

– Да, примерно такая же, как у тебя.

– Давай я ему предложу две наших трубки в обмен на его.

– Нормально ты придумал. Уже и меня в эту схему вписал.

– Да не гони. Труба-то хорошая. С неё в Интернет хоть выходить можно. У нас-то с тобой совсем простые. Но их две. Если согласится, то у него в два раза вырастают шансы остаться на связи, а мы с тобой будем по очереди пользоваться.

– Я не против, главное, чтобы она у него рабочая была. А то мы променяем два хоть и простых, но рабочих аппарата, на один убитый.

– Давай я с ним поговорю и всё проверю?

– Давай.

Пока наскоро ели, Рома перетёр с этим парнем, и после обеда мы отошли втроём в сторону. Парень этот действительно переживал, что трубу у него могут отжать. На-

ше предложение ему вроде нравилось, но он не решался, поскольку сделка выглядела мутной. Мы решили объяснить ему, что на самом деле сделка кристально прозрачна и чиста:

– Ну вот смотри, какие шансы у тебя сохранить твой телефон до конца службы?

– Да я ХЗ. Отожмут, скорее всего, сразу же.

– Ну так вот мы тебе и предлагаем такой вариант, что ты в любом случае будешь со связью. С двумя телефонами твои шансы удваиваются. Понимаешь?

– Да, я всё понимаю.

– Ну так соглашайся. Возьми да прямо сейчас проверь наши две трубы. Отправь СМС, позвони на них.

– Ладно, давайте. Две трубы – это действительно лучше, чем одна.

Всё проверили и пожали друг другу руки. Телефон был наш. Все оказались в выигрыше.

После обеда отбор подошёл к концу. Нам выдали наши военные билеты и жетоны. При этом строго-настрого запретили что-либо терять: ни сам билет, ни вложенный в него жетон. Военные билеты некоторые уже видели, а вот алюминиевая пластина с буквами и цифрами вызывала неподдельный интерес и бурю новых эмоций. Каждый, видя её, вспоминал какой-нибудь свой любимый боевик, в котором герой фильма носил этот жетон на шее, где в случае гибели герой мог быть опознан по этому самому жетону. Но это всё кино,

а тут у тебя в руках настоящий твой жетон – артефакт, благодаря которому ты моментально становишься самым непобедимым, обученным и опасным бойцом в радиусе ста километров, особенно если в эту же секунду повесишь его себе на шею. Некоторые парни так и поступили. Особых перемен в воздухе не ощущалось, возможно, потому, что новоиспечённых «универсальных солдат» было слишком много в данном квадрате и вся их суперсила гасила одна другую. Я лишь пару раз взглянул на жетон, пофантазировал и убрал в нагрудный карман вместе с военным билетом.

Через некоторое время раздался крик:

– Построение в коридоре! Всем построиться в две шеренги! Занимать обе стороны! При себе иметь личные вещи!

Коридор был настолько длинный, что стометровку можно было бежать смело. Все вышли со своими вещмешками и встали к стене. Хаос и неразбериха. Но вдруг в проходе появился человек. Точнее, сначала появился его голос и совер-

шенно непонятные слова, которые двумя фразами заставили всех впасть в оцепенение и прилипнуть спиной к стене:

– Пиздёж убили! Тишину поймали!

Голос принадлежал невысокому человеку в выцветшей военной форме. На погонах две небольшие, расположенные вдоль звезды. Мичман или прапорщик. До того как отправиться в военкомат, я выучил воинские звания, чтобы знать, как и к кому обращаться. Это оказалось полезным, поскольку иначе можно было случайно выстроить неправильную коммуникацию, а это могло определять дальнейшую судьбу. Какой же невероятной энергией и убедительностью обладал этот человек! Казалось, он мог прибить на месте любого из стоящих перед ним «универсальных солдат». Да что там любого. Всех! Несмотря на то, что нас там было около двухсот-трёхсот человек на тот момент.

Каждый день, с момента прибытия в военкомат для отправки на службу и до встречи с тем самым мичманом, в голове маячила одна мысль: «Когда-то будут бить». Когда – непонятно. Но что будут – это просто обязательно. Мне так рассказывали. Меня к этому готовили, и я был готов. Так вот, когда я услышал две эти прекрасные фразы, я понял – сейчас будут бить. Наверное, это инстинктивно понял каждый, потому как затихли все и, вжавшись в стену, не издавали ни звука. Я практически уверен, что, если бы в этот момент в одном крыле коридора пролетела муха, её полёт можно было бы услышать в противоположном крыле. Было немного

страшно, но в то же время было огромное желание постичь философский смысл тех таинственных фраз, произнесённых мичманом.

Голос сказал, что бить нас никто не будет, а будет произведена проверка наших документов и личных вещей. Тут же появились порядка десяти-пятнадцати помощников-контролёров из старослужащих. Было приказано проверить у каждого наличие военного билета и жетона. Вот думаю: «Только выдали, зачем проверять?» Но среди нас выявился один очень талантливый военнослужащий. Не прошло и пятнадцати минут с момента получения жетона, как он успел его потерять. Где потерял – неизвестно, и найти не удалось, но вот что он приобрёл сразу и навсегда, так это кличку Косяк. Половина стоявших рядом бойцов сразу же его об этом уведомила, подкрепив наречение громким смехом.

– Пиздёж убили! Тишину поймали!

Снова воцарилась тишина.

– Хуёво ты начал службу, боец. Ладно, отправим тебя как есть, дальше пусть в части с тобой разбираются. А сейчас проверим содержимое ваших вещмешков.

Всё содержимое пришлось высыпать на пол. Затем, строго по списку, который зачитывал мичман, мы укладывали обратно в свои вещмешки одну вещь за другой. Список подходил к концу, но почти перед каждым на полу оставались предметы, которые не были озвучены. Список закончился. Дали команду завязывать вещмешки. Лежащие на полу лич-

ные вещи не давали покоя. Что с ними нужно было делать? Очевидно, что они должны были так и остаться лежать для последующего расхищения контролёрами-стервятниками. Ну уж нет! Я быстро поднял с пола свои блокноты, документы, письменные принадлежности и положил их в мешок. Книгу про ангелов я уже не нашёл. Видимо, кто-то тоже решил спасти часть вещей и в суматохе забрал её себе. Рядом на полу лежала книга «Сталкер», которую я схватил без раздумий, отправил в свой мешок и немедленно завязал, чтобы не привлечь внимания контролёров.

Скомандовали:

– С вещами на выход! Услышавший свою фамилию грузится в автобус.

Глава 6. ВОЕННАЯ ЧАСТЬ

Как и предполагалось, мы с Ромой оказались в одном автобусе. Вроде как последняя поездка: нас везли в часть, в которой будем служить. Ехали часа полтора, и всё это время за окном проносились яркие весенние пейзажи: леса, поля, городки и деревни. Мы ехали дорогами, ещё когда-то давно, до Второй мировой войны, построенными немцами. Всё это было, конечно, интересно и ново, но я не видел моря ни в одном из окон нашего автобуса и продолжал с надеждой смотреть вперёд. Нас завезли в густой лес, где ненадолго остановились перед воротами КПП. Проехав ещё пятьсот метров, автобус остановился у трёхэтажного здания и заглушил двигатель.

– Всё, приехали. С вещами на выход!

Перед нами было здание казармы с пристройкой. Морем и кораблями даже не пахло. С крыльца казармы нам навстречу спустился дежурный по части. Он забрал документы и отправил нас в столовую. В двухэтажном здании вкусно пахло едой, нас встретил человек в белой, поверх военной формы, одежде. Это был дежурный по камбузу – так на флоте называется столовая. Мы бросили вещи на входе и проследовали

за дежурным. Столовая как столовая. Ничего лишнего. Дежурный что-то крикнул в дверной проём кухни, и оттуда появился человек в белой одежде, но уже не поверх военной формы. Это был кок. Дежурный сказал:

– Пополнение. Накорми.

– Подходим по одному к раздаче, берём подносы, тарелки с едой, приборы и направляемся к столам для приёма пищи. Давайте молча и резче!

Мы подошли к раздаче, где уже стояли тарелки с салатом из капусты и моркови. Я взял салат и двинул дальше.

– Первое на выбор. Борщ или щи?

– Не понял.

– Не тупи! Борщ или щи?

Я, честно говоря, был в полном недоумении. Мне рассказывали, что питание в армии совсем скудное, и наличием какого-либо выбора я был ввергнут в полное замешательство.

– То есть я могу выбрать?

– Да.

– Борщ.

– Вот, держи. Бери второе, чай, приборы. Следующий!

Такого я совсем не ожидал. Салат, первое на выбор, второе – котлеты с картошкой, чай. Куда я попал? Может, это какая-то проверка или специально пускают пыль в глаза, чтобы

мы потеряли бдительность? Всё это похоже на какой-то военизированный пионерский лагерь. Мне обещали в лучшем случае только горбушку чёрного хлеба и воду. Нет, к такому я точно не был готов. Такого рациона у меня не было даже на гражданке. Не сказать, что всё было вкусным, но по крайней мере съедобным. Быстро разобравшись с обедом и сдав подносы с грязной посудой в окно мойки, мы вышли на улицу. Нас построили и сопроводили в казарму.

Да, именно эта песня играла, когда мы вошли внутрь. Перед нами был прямой, широкий коридор из двухъярусных кроватей. Обитые деревом стены, выкрашенные в серо-синие, слегка депрессивные цвета. И вроде всё ничего и даже музыка более чем откликается в сердце, но мы идём под тяжёлым обстрелом взглядов старослужащих. Эти взгляды не обещали ничего хорошего. Мы прошли дальше по коридо-

ру, где нас построили и велели вытряхнуть содержимое вещмешков на пол. Всё так же, как в распределительном пункте.

Мы высыпали свои вещи на пол и по списку проверили, что ничего не было утеряно по дороге. С лишними вещами пришлось тут же расстаться. Такая участь ждала книгу «Сталкер». Один из старослужащих (Дима Иванов), увидев её, по-ребячески обрадовался и попросил почитать, с возвратом. Сказал, что давно хотел её прочитать, а нам ближайшие пару месяцев точно будет не до отвлечённой литературы. В принципе, я затем и спасал тогда эту книгу, чтобы кому-то пригодилась.

Заодно я отдал свои ампулы и шприцы для инъекций в медчасть на сохранение начмеду, который осмотрел нас на наличие синяков, ссадин и прочих травм. После всех проверок нас познакомили с Максимом Ивановым и велели ему объяснить нам, как тут что в части устроено. Максим имел неформальное звание золотого карася. Золотым карасём он стал автоматически, появившись первым из нашего призыва в этой части.

Поясню, что называется, за ранги. Во всех родах войск ранги свои. На флоте дело обстоит так: когда ты призвался – ты ещё даже не карась, ты икра. Как только принял присягу – становишься карасём. Через полгода переходишь в ранг борзого карася, а за сто дней до приказа об увольнении становишься дедом. Так вот, Максим, появившись первым среди дедов, как я уже сказал, автоматически стал золотым ка-

расём. Он пил чай с дедами, его любили и всё ему по-человечески, по-доброму объясняли, как и что тут устроено, возлагая на него обязанность передать информацию новому пополнению. Тем самым они снимали с себя обязанность что-либо объяснять нам самим. И это правильно. А зачем напрягаться, если ты получил опыт и передал его другому? Максим сказал, что ни у кого не будет проблем, если мы будем всё чётко исполнять и не будем задавать старшим глупых вопросов. Все вопросы к старшим должны идти через него, а он в свою очередь, если чего не знает сам, уточнит.

Среди первичных законов и правил, предъявляемых к молодому пополнению, были следующие:

- старший всегда прав;
- если старший не прав – смотри пункт первый.

Это основные правила. В принципе, они охватывают собой всё. Но были, конечно же, и дополнительные требования:

- делать всё по команде;
- по одному никуда не ходить;
- ходить вообще запрещалось. Любые перемещения только бегом;
- курить можно только с разрешения и в специально отведённом для этого месте: в туалете или на улице в курилке;
- на шконарях (койках) можно было только отдыхать в горизонтальном положении и только по команде. Если кто будет замечен сидящим на шконаре – все будут наказаны (как

правило, физическими упражнениями – называется «прокачать»);

- один за всех, и все из-за одного;
- поддержание чистоты в роте. Если увидел бумажку, фантик, нитку – лучше убрать, иначе заставят прибираться всех, а потом прокачают. Особо умных и залупастых – отпиздят;
- что-то есть или пить можно только в бытовке, где обычно гладятся и подшиваются;
- поход в туалет через турник. Подтягивания или подъём с переворотом;
- не потерять ничего из вверенного тебе имущества.

Наступил вечер, и хотелось спать, но до отбоя нам всем необходимо было проклеить своё имущество: кому берцы, кому сапоги, ремни, тапочки, брюки и китель. Для этого мы собрались в бытовке, где Максим нам рассказывал и показывал, что от нас требуется сделать. Берцы, ремень и тапочки клеймились белой краской, а всё остальное хлоркой. С краской всё понятно. Нанёс – высохло. С хлоркой же целая уличная магия. В мыльнице растворялись четыре таблетки хлора. Полученный ядрёный раствор наносился спичкой на одежду. Сделать это надо было максимально аккуратно, иначе клеймение превратится в жирные жёлтые кляксы и станет нечитаемым.

Клеймо содержало в себе номер воинской части, номер военного билета, название роты, фамилию и инициалы. Задание было творческим и увлекательным. Это как писать

невидимыми чернилами, которые через некоторое время проявляются. Любое, даже самое простое дело выявляет способности и черты характера человека. Кто-то сделает тят-тят, кто-то на совесть. Я решил сделать один раз, но так, чтобы потом не переделывать. Результатом был доволен. Всё, что проклеямили, аккуратно разложили сушиться.

Среди молодого пополнения мы заметили парней с ремнями на голом торсе или поверх тельняшки. Спросили Максима, в чём дело.

– А это как раз на тему не проебать вверенное имущество. Завтра утром вы снимете с сушки свой ремень, так же его наденете и больше никогда не снимете аж до тех пор, пока не станете борзыми карасями. Если кто ремень потеряет – будет наказан. Поэтому затягивайте потуже, чтобы он даже во сне не расстегнулся.

– А какое наказание?

– «Печеньё».

– Звучит неплохо.

– Это только звучит так, но на деле больно. Тот, кто теряет ремень, может получить его обратно из рук старослужащего только через получение «Печенья». Выставляешь руку ладонью вверх, а тот, кто нашёл, шлёпает по ладошке бляхой от ремня. Всё зависит от людей и отношений. Если человек первый или второй раз по какой-то случайности потерял ремень, то бьют не сильно. Если предупредительные удары не помогли привить внимательность, то бьют сильнее. Иногда

до такой степени, что остаётся рисунок со звездой на руке и долго не сходит. В общем, всё от вас самих зависит. Напрасно лютовать никто не будет.

– А как тут вообще с дедовщиной?

– Старшие наших с вами старших были полными отморозками. Постоянно кого-то пиздили, прокачивали, застраивали и чмырили. Закончилось всё тем, что двое набухались, пришли в роту и решили заняться воспитанием младшего состава. Выбрали одного из молодых, повели его в туалет, где жёстко прокачали, потом отпиздили и обоссали. Об этом случае узнал Комитет солдатских матерей. Случаев-то, понятно, много было, по несколько таких на дню, но прознали именно про этот. Ну и тогда ввязалась прокуратура и все остальные ведомства. В итоге тех двух старших посадили на 2,5 и 3 года в тюрьму с последующим возвращением в войска, чтобы дослужить, сколько им оставалось по сроку. Весь суточный наряд уволили: мичманов, офицеров, вместе с командиром части. Ну и обстановка такая, что старшие наши дико злы, поскольку их так воспитали их старшие. Поэтому лучше делайте всё максимально быстро, без вопросов и залупательств. Иначе все будут страдать.

Нас распределили по роте, выделили каждому спальное место (шконарь), тумбочку (баночку) для личных вещей и по одной табуретке (опять же, баночке) для укладки формы перед отбоем. Всякое возвышение от уровня пола тут называлось банкой или баночкой. Под это определение попа-

дали стулья, табуретки, скамейки. Флот есть флот, и традиции его славны, но почему баночка? Оказывается, если заглянуть в военно-морской словарь, то увидим: банка 1) мель в море среди глубокого места; 2) поперечная доска в шлюпке, служащая сиденьем для гребцов. Таким образом, многие из обычных предметов обихода получили общее название – банка.

Что касается шконарей, то такое название перекочевало на флот из тюремного лексикона и закрепилось навсегда. Случилось это тогда, когда на флот призывались люди, бывавшие в местах не столь отдалённых или же одурманенные тюремной романтикой.

Постельное бельё – две простыни, наволочку и вафельное полотенце – нам выдал баталёр, ответственный за вещевое имущество. Никаких пододеяльников. Белыми их называть было сложно, скорее серыми, но всё было чистым. В чистоте белья нас клятвенно заверили, объяснив это тем, что вши и прочие заразы тут никому не нужны. Максим провёл очередной мастер-класс по заправке шконарей и показал, как делать откидку.

Завтра нам нужно будет проснуться, одеться во всё военное, проклеимённое, и начать свою настоящую службу, а пока нужно было поскорее уснуть, ведь «только сон приближает к увольнению в запас».

Интересная вещь. Я призвался в двадцать четыре года, имея за плечами внушительный жизненный опыт и высшее университетское образование по специальности «информатик-социолог». Мне сразу были понятны правила игры, и я их принял. По-другому было нельзя. Принимая правила, ты получаешь возможность для свободного манёвра. Я рассматривал всё как игру. И вот что понял: армия – это срез об-

щества в моменте. Здесь были люди разного возраста, национальностей, достатка и уровня образования. Кто-то призвался после школы, кто-то после ВУЗа или ПТУ. Во всех случаях мы были в одних условиях, объединённые общим бременем воинской службы, а главное – скованные одной целью: достойно дожить до дембеля.

Глава 7. ПЕРВЫЙ «ПОДЪЁМ!»

День третий

Когда прозвучала команда, я уже не спал. Удивительно, как работает организм в стрессовой ситуации – он просыпается за несколько минут до начала тревоги. Я лежал на верхнем шконаре и продумывал алгоритм дальнейших действий. Всем молодым положено было занимать только верхние места, поскольку по традиции деды спят всегда на нижних. В таких простых вещах проявляются субординация и уважение к старшим, а это правильно. По команде «Подъём!» необходимо было проснуться, сделать откидку (когда одеяло и простынь, под которыми спишь, аккуратно откидываются на спинку шконаря), спрыгнуть вниз, надеть СВОИ тапочки, бежать бегом за СВОИМИ вещами, быстро-быстро одеваться и строиться.

Мы построились. Максим всех предупредил:

– Если кто-либо услышит свою фамилию, то нужно громко и чётко ответить: «Я». Даже не то чтобы ответить. Нужно крикнуть так, чтобы оглохли все, кто стоит рядом, и ты сам вместе с ними.

Я не сразу понял, зачем так делать, но потом разобрался. Это была особая тренировка голосовых связок. Выработка командного голоса, чтобы в дальнейшем, не дай Бог, при бо-

евых действиях ты мог что-либо сказать, скомандовать или позвать на помощь так, чтобы тебя действительно услышали. Также, конечно, здесь крылся и другой философский смысл – это сравнимо с рождением ребёнка, когда он идентифицирует себя со своим собственным криком, с рождением себя самого настоящего. Только, в отличие от ребёнка, ты кричишь «Я», и в эту секунду, не в следующую, ты чётко понимаешь, кто ты, что ты, а главное – где ты.

Ещё Максим сказал, что как только кто-либо из старших крикнет, например, такую команду: «Э! Один!» – то всем, кто услышал эту фразу, нужно ломиться со всех ног в ту сторону, откуда она прозвучала. С этим было всё понятно. Ситуации могут быть совершенно разные, как в мирное, так и в военное время, а вот что-то долго объяснять и звать кого-то конкретно на помощь возможности может не быть вовсе. К примеру, придавило тебя ящиком с боеприпасами где-нибудь в подвале. Что будешь делать? Кричать: «Эй, кто-нибудь, помогите! Меня ящиком придавило!» Всё это слишком долго. А крикнув «Э! Один!», ты сразу привлекаешь максимальное внимание окружающих и даёшь понять, что тебе нужен любой свободный человек в помощь.

Проверку поручили тоже Максиму. Нас было немного, но старшим совсем не хотелось тратить на нас время. Проверка произведена, лиц незаконно отсутствующих нет. Максим сделал доклад дежурному по роте. Тем, у кого ещё не высохла краска на берцах/сапогах, разрешили ходить в тапочках, в

связи с чем в это утро не было утренней зарядки. Все занялись заправкой шконарей, приборкой в роте и подготовкой формы одежды. Кто-то с удивлением разглядывал проявившиеся нечитаемые кляксы на своей форме, которые означали только одно – надо всё переделывать.

Максим делился с нами всем опытом, который он успел получить до нас. Всё было как в пионерском лагере. Я почему-то постоянно был в ожидании какого-то шухера, но пока ничего не происходило. Практически всё, что рассказывал и показывал Максим, мне было либо знакомо, либо я это уже умел, и мне было интересно узнать что-то новое. Кто-то, например, впервые держал в руках утюг, иголку с ниткой, подшиву, учился чистить ботинки и прочее. Не, подшиву я тоже раньше не пришивал, но шить умел с детства. Даже помню момент, как это впервые произошло.

Мне было лет семь-восемь, я собирался к другу на день рождения. В шкафу на моей полке осталась всего одна пара носков, но она оказалась с дыркой. Пошёл к маме:

– Мам, мне идти надо, а тут носки дырявые.

– Зашей сам.

– Но ведь всегда ты этим занималась и делаешь это лучше и быстрее.

– Я сейчас занята. Давай-ка ты будешь учиться сам себя обслуживать?

Идея эта мне не понравилась сразу. Я понял, что если я сейчас это сделаю, то обратной дороги уже не будет. Начал

упрашивать:

– Ну пожалуйста, ну в последний раз.

– Ну иди готовь обед, а я тебе носки заштопаю. Идёт?

– Нет, это слишком сложно.

– Ну вот, тогда бери иголку, нитку, лампочку, и полный вперёд.

Что оставалось делать? Не идти же в дырявых носках в люди. Взял с полки перегоревшую лампочку, при помощи которой обычно дома штопали носки. Натянул на неё изнанкой носок и принялся штопать. Я сто раз видел, как это делается, но сам ни разу не пробовал. Надо сказать, что это оказалось довольно увлекательно и совсем не сложно. Заштопал, а потом то и дело рассматривал получившийся узор, походивший на звезду-снежинку. Так и научился.

В общем, со всеми необходимыми хозяйственно-бытовыми вещами я справился очень быстро и уже начал было сло-
няться без дела по роте, как Максим меня спросил:

– Ты чего проёбываешься?

– Так я всё сделал.

– Ну сделал – молодец. Иди теперь помогай другим.

– Да блин... Пусть сами ковыряются.

– Не, так не пойдёт. Тут у всех всё должно быть одинаково. И все должны быть заняты делом. Старшие с нас спросят, почему сами справились, а других не научили.

Я был согласен с ним, поскольку, солдат без дела – потенциальный преступник. Пришлось идти помогать, что заодно

помогло ближе познакомиться с остальными парнями и в целом хоть как-то развлечься. Из этой ситуации я сделал один очень важный вывод: если ты справился с поставленной задачей, то ни в коем случае не нужно этого говорить или показывать, иначе для тебя сразу найдётся другое задание.

После приборки в роте и приведения формы в порядок прозвучала команда дневального:

– Рота, приготовиться к построению для перехода на камбуз! Форма одежды номер три!

Камбуз

Первыми туда вошли старослужащие, поскольку они стояли во главе строя. Когда очередь раздачи ещё только доходила до нас, они все уже сидели по четыре человека за своими столами и ели, весело что-то обсуждая. Нам же разговаривать на камбузе запрещалось. Запрещалось брать ножи и вилки. Они предназначались для офицеров и отдельно полировались. Как я понял, каждому из нас необходимо было научиться мастерски владеть единственным столовым прибором – ложкой (на флоте её называют, разумеется, «веслом»).

На завтрак была картоха с мясом, варёные яйца, чай, кусок масла, чёрный и белый хлеб. Всё вполне съедобно, и этого с лихвой хватило бы, находишься мы в обычных условиях. Но мы-то были в состоянии дичайшего стресса и неопределённости, поэтому наша нервная система расщепляла пищу раньше, чем она проваливалась в желудок. Утрирую, конеч-

но, но насыщения я не почувствовал. Как будто и вовсе ничего не ел. К тому же всё произошло слишком быстро.

Что касается дополнительных запретов, то ничего с камбуза из еды нельзя было выносить с собой. Ни за пазухой, ни в карманах. Ходить с набитым ртом тоже запрещалось, поскольку это, во-первых, некультурно, а во-вторых, опасно.

В первом случае, шагая с набитым ртом и встретив старшего по званию, невозможно было бы сразу поприветствовать его и ответить на вопрос, если он его задаст. А во втором случае просто подавишься. По команде: «Рота, окончить приём пищи!» – встаёшь, выплёвываешь в миску всё, что не успел проглотить, и несёшь грязную посуду в окно мойки.

После завтрака мы отправились в роту, готовиться к построению, подъёму флага и разводу. Развод – это когда на общем построении зачитываются списки фамилий, заступающих на вахты-наряды, после которого каждый знает, куда ему идти и чем заниматься. Там же можно было увидеть и услышать командира части. Регулярно сие действо происходило в 09:00. Очень хотелось увидеть командира, но пришёл его зам, принял доклад и еле слышно что-то сказал командирам рот и старшинам.

Как я уже говорил, предыдущего командира части уволили вместе с другими офицерами и мичманами в связи со случаем неуставных отношений, о котором нам рассказал Максим Иванов из нашего призыва. Все были в ожидании нового командира, который скоро должен вступить в должность, и гадали: какой же он будет – мягкий или жёсткий?

Поскольку мы только прибыли и не имели допусков к вахтам-нарядам, то, получив кучу замечаний, начиная от нечищенных зубов до обуви, отправились в роту исправлять косяки.

Как такового курса молодого бойца (КМБ) для нас пока

не наступило. Мы ждали ещё несколько партий нового пополнения, а пока начальство по максимуму загрузило наше ожидание любыми занятиями: приводили в порядок форму одежды, писали и учили в ленинской комнате конспекты по уставам и обязанностям службы, заправляли по нитке шко-
нари, мыли «палубу» по несколько раз на дню и многое другое. Это раздражало, поскольку ничего нового в этом я не видел – рутина и тягомотина. Я решил вписываться в любые работы, лишь бы не торчать в роте, так хотя бы можно будет выйти на территорию и открыть для себя новые карты местности.

Пару раз вызывался рыть траншеи. Работа не особо интеллектуальная, но мне надо было размять мышцы. Когда постоянно тренируешься, а потом делаешь перерыв, тело начинает ныть и требовать нагрузки. По укладу службы самостоятельно тренироваться разрешалось только спустя полгода. А сначала все силы на военную подготовку. Что касательно спортивных упражнений, то основная нагрузка давалась на

утренней зарядке, целью которой было не развитие физических способностей, а заёбывание молодого пополнения таким образом, чтобы ни на что другое, кроме служебных дел, сил просто не оставалось.

Этот принцип – «заебать любой ценой» – применялся во всём. Приборка, к примеру, нужна была не столько для порядка, сколько для того, чтобы чем-то нас занять. Всё приходилось переделывать по сто раз. Казалось бы, взять один раз и нормально вымыть полы, вытереть пыль, но не это было целью. Нужно было просто занять нас на всё возможное время.

Любые действия выполнялись бегом, под крики старослужащих. Я был бесконечно благодарен своим тренерам и самому себе за то, что держал на гражданке своё тело в тонусе. Теперь это здорово выручало. Всё воспринималось как обычная тренировка, хотя на гражданке в зале мы потели гораздо сильнее. Очень тяжело в эти моменты было смотреть на Мишу Алексеева. Все его сразу начали пренебрежительно-ласково называть Алёшей. Он не мог быстро передвигаться в принципе, поскольку всё время до того, как попал на службу, просидел дома за компом. Ну куда бежать, если человек еле ходит? Всегда хотелось ему помочь и как-то подбодрить. Выглядело это примерно следующим образом:

– Миша, блядь, ну чё ты еле шевелишься? Давай бегом, иначе тебя сейчас отпиздят, а потом и всех нас из-за того, что ты залупаешься! (Произносилось это с доброй улыбкой,

чтобы Миша понимал, что я в общем-то за него.)

– Да мне похуй. Я делаю всё что могу, а они пусть делают что хотят.

Я сразу понял, что это был хоть и очень слабый телом, но очень сильный духом человек. Сила его была в тотальном безразличии к тому, что он совершенно не вписывался в место, в которое попал, и не стремился что-либо с этим делать. Настоящий панк!

На одном из построений в роте старшие решили познакомиться с нами поближе. Было довольно необычно, поскольку поначалу их даже наши фамилии и имена не интересовали, всё сводилось к «Э! Один!». А тут такой неподдельный интерес. Позже выяснилось, что им нужно было готовить себе замену, поэтому предварительный разговор был просто необходим. Они выясняли у каждого, кто откуда приехал,

чем занимался на гражданке, уровень образования, задавали какие-то совершенно дурацкие вопросы, в основном глумились и угорали как могли.

Помимо мрачно-дерзкого вида и взгляда, старшие обладали удивительной способностью давать клички. Клички раздавались в зависимости от говорящей фамилии, профессии, рода деятельности, города, из которого приехал, и даже мультяшных персонажей. Один из парней нашего призыва получил кличку Зебра. Он был в самом деле похож на зебру из мультфильма «Мадагаскар». Но увидеть это тонкое сходство мог человек только с очень острым взглядом. Другой же получил кличку Диджей: это был парень из Питера, которому только исполнилось восемнадцать лет. Он очень гордился тем, что успел до службы окончить курсы диджеев, и всем об этом рассказывал. Теперь он понимал, что лучше было молчать.

– Очень хорошо! Сразу после развода берёшь тряпку и идёшь за песком, который лежит в ящике справа от галюна (туалета).

– Зачем?

– Ну как зачем? Ты же диджей. Будешь теперь тряпочкой с песком делать настоящие скретчи и миксы на писсуарах. Смотри, чтобы всё блестело. Я проверю. А вообще, иди прямо сейчас, чтобы успел до обеда управиться.

Двух раз повторять не пришлось. Диджей попытался соскочить с обязанности, но ему тут же дали понять, что ни-

кто с ним не шутит: пинком помогли проследовать в нужном направлении.

Старшие дико ржали со всего. Нам смеяться было запрещено в принципе. Если смеёшься – значит, жизнь весёлая. Если весёлая, то не заёбываешься, а если не заёбываешься, то не работаешь и ничем не занят, а это в корне неправильно. Сразу находилась работа, которая начисто смывала твоим же потом с лица идиотскую ухмылку. Да и как смеяться, если вот так, по глупости, любой мог оказаться в подобной ситуации. Кстати, те, кто из младшего призыва поржали над Диджеем, немедленно отправились ему на помощь. Вот он, закон мгновенной кармы в действии.

Глава 8. ПХД

День четвертый

Парко-хозяйственный день. Неофициальная расшифровка этой аббревиатуры – полностью хуевый денёк. В этот день, обычно в субботу, сразу после завтрака устраивается пенная вечеринка, только без светомузыки и девчонок. Вечеринка происходит в помещениях до обеда, а после него – after party на улице.

В дни ПХД не бывает зарядки, поэтому мы после подъёма пошли сдавать постельное бельё в баталёрку (вещевой склад). После чего по команде взяли свои одеяла и матрасы и строем пошли на плац. Матрасы развешивались на заборе сушиться и проветриваться. Я четко запомнил, куда повесил свой, так как спать на чужом совсем не хотелось. Конечно, кто-то и до меня на нём спал, но за эти пару дней я успел с ним сродниться. Тщательно вытряхнув одеяла, мы отправились обратно, чтобы подготовиться к переходу на камбуз. Завтрак был обычный, а вот всё остальное, что было после него, – нет.

Почти весь состав молодого пополнения к тому времени уже прибыл и насчитывал порядка семидесяти человек. Нас

распределили по помещениям, выдали вёдра, тряпки и мыло. Дежурный по роте Давид Овсепян врубил свою любимую композицию на всю катушку, и понеслось!

После того раза у нас выработался условный рефлекс – когда включалась эта композиция, то нужно было срочно что-то делать и причём очень быстро.

– Хули встали! Бегом, блядь! Ещё быстрее! Хватаем шко-
нари и баночки! Тащим на правую сторону! Освобождаем
палубу! Воду лей! Палубу мылом три! Где пена? Не вижу пе-
ны! Пены должно быть по колено! Три лучше! Три так, что-
бы я увидел, сколько в этом месте слоёв краски! Так, пара
длинных лосей, сюда живо! Схватили тряпки и швабры! Да-
вайте уже, убались вытирать пыль со стен и карнизов! Да-
вайте в темпе! Вас ещё ленинская комната ждёт! Наводим
приборку так, чтобы пахло весной! Понятно?

И так далее, и в таком духе под один и тот же трек на про-
тяжении нескольких часов... До сих пор его не переносу.
В принципе, понятно было всё, кроме запаха весны. Стоял
конец мая. На носу было лето, и оно обещало быть жарким.

Всю эту пытку я рассматривал как возможность потрени-
роваться, потому что других тренировок не было. Я с удо-
вольствием бегал с вёдрами за водой, по пути подбадривая
товарищей. А потом с ещё большим удовольствием мыл па-
лубу и стягивал воду, потому как в это время можно было хо-
рошенько прокачать свою растяжку и джину. Джинга – ба-
зовый элемент в капоэйре, на котором строятся все осталь-
ные элементы. Прекрасно прорабатывает ноги, спину и ко-
ординацию. Помню, как на тренировках в Питере мы умира-
ли, прокачивая её. Зато сейчас джинга просто спасение!
При таком подходе усталость от работы практически не чув-
ствовалась, а наоборот, было радостно и весело, потому как
тело было благодарно.

Несколько человек из роты забрали в помощь камбузному наряду. С ними отправился и я. Дежурный по камбузу Дима Демидов сказал, что орать и гонять пинками он ничего не собирается, а наоборот, напоит чаем, если быстро и качественно наведём порядок. Нам разрешили снять кители и работать в тельниках, но не снимая с себя ремней. Верх великодушия! Мы принялись мылить палубу таким же образом, как это происходило в роте, но Дима нас остановил и показал настоящий лайфхак. Он взял кусок мыла и начал строгать его ножом, раскидывая стружку на кафель.

– Вот так надо. Понятно?

– А в чём смысл?

– А ты попробуй.

Я попробовал потереть эту стружку мокрой тряпкой, и вмиг образовалась густая пена. Гениально! Этим способом мы раза в три быстрее всё сделали, и теперь камбуз просто сверкал. Дима, как и обещал, напоил нас сладким чаем, и мы отправились в роту готовиться к обеду.

Тем временем в роте завершалась приборка. Полировались зеркала и натирались белые полосы на взлётке – так называлась палуба. Всё очень просто: то, что должно блестеть, должно блестеть, белое должно быть белым, зелёное – зелёным и т. д.

На белые полосы, надо сказать, было запрещено наступать в принципе, и теперь стало понятно почему – слишком быстро пачкаются и слишком долго полируются. Ещё я увидел

нашего «Алёшу», ходившего по роте с полотенцем, которое он крутил в руке, как пропеллер, видимо, пытаясь взлететь.

– Миш, ты чего делаешь?

– Как чего? Весну призываю.

– Не понял. А это как?

– Ну вот так, крутишь полотенцем и приговариваешь: «Весна, приди! Весна, приди!»

– И как успехи?

– А ты что, запаха не слышишь?

Я принялся, и действительно, в роте пахло какой-то невероятной свежестью. Оказалось, что в полотенце, которым ходил и крутил Миша, он выдавил зубную пасту. Всё это смачивалось водой, растиралось, и вот приманка для весны была готова. Оставалось только распространить этот запах по всем помещениям.

Вскоре прозвучала команда дневального:

– Рота, подготовиться к переходу на камбуз! Форма одежды номер три!

Через пять минут прозвучала вторая команда:

– Рота, построиться для перехода на камбуз!

Мы построились и пошли.

Дежурный, остановив строй перед входной дверью камбуза, скомандовал:

– На камбуз по одному шагом марш!

Все начали быстро заходить внутрь. В какой-то момент я сам оказался у порога и буквально оцепенел на несколько

секунд.

– Хули встал? Шевелись давай!

Быстро придя в себя, я вошёл. Что со мной было? Я искал место, где можно было разуться. Искал и не мог найти. Да, я понимал, что только что несколько десятков человек спокойно зашли сюда в берцах и сапогах. Никто не снял свою обувь и не поставил её у стены. Но я отказывался в это поверить. Поверить, конечно, пришлось, но ступал я уже совсем с иными чувствами. Совсем не так, как раньше, до близкого знакомства с этой палубой несколько часов назад. Камбуз теперь стал мне немного роднее. Вот оно, открылось... Как в спектакле у Гришковца: «Это тебе палуба. Пока не полижешь – не полюбишь».

Встреча с командиром

На какой-то там день обед уже был потрясающим, хотя рецепт совершенно не изменился. Нам, обессиленным, еда залетела на раз-два: ели быстро и молча. Возвращаясь с камбуза в роту, мы слышали команду: «Рота, стой! Раз! Два!» Дежурный по роте сделал доклад человеку в майорских погонах, которого мы ещё ни разу не видели. Оказалось, это и был наш новый командир части. Высокий, крепкий, на вид суровый. Вид прям какого-то американского военного, только лучше, потому что русский. Камуфляж сидел на нём идеально. Командир приказал всех построить в две шеренги. Мы построились. Молча оглядев строй и заглянув каждому в глаза, немного помедлив, произнёс:

– Здравствуйте, товарищи солдаты! Или вы матросы? Ладно, это кому как больше нравится. Можете себя считать и теми, и другими, поскольку форма у вас полевая, но тельняшки вы носите. Я ваш новый командир части. Зовут меня Александр Михайлович. Вы все знаете, что совсем недавно здесь произошло одно неприятное происшествие, в результате чего кто-то был уволен, а кто-то сел в тюрьму. Я надеюсь, тут все хотят служить нормально и у нас никаких подобных залётов не будет. Достоинство отслужите и спокойно отправитесь домой. Где-то, возможно, будет нелегко, но всё преодолимо, поскольку не вы первые, кто уже проходил подоб-

ные испытания. Предо мной стоит задача вывести эту часть в ранг элитных, но многое зависит и от вас самих. Надеюсь на вас можно рассчитывать. Можно?

– Так точно! – что мы могли ещё сказать?

– В своей части никакой дедовщины я не допущу. Старшие, поняли меня? Просто забудьте об этом. Так, фамилия твоя?

Он указал на одного из старшего призыва.

– Матрос Якупов, товарищ командир.

– Ко мне подойди.

Через секунду матрос был возле командира.

– Что у матроса Якупова не так с формой?

Все молчали. Командир снял кепку с матроса и вытянул её перед строем.

– Любые подобные модификации головных уборов и формы одежды запрещаю! Понятно? Всё вернуть в исходный вид. На вечернем построении проверю.

У Якупова и в самом деле кепка была как-то стильно подшита по контуру сверху. Тем самым она немного походила на кепку нового образца, которую носил командир. Такие модификации по старым неписаным правилам разрешалось делать спустя полгода службы. Своеобразный знак отличия. Кстати сказать, следующим этапом подобных модификаций были перевёрнутые якоря на кепке и на ремне – признак того, что до приказа о демобилизации осталось сто дней. Смотришь на эти приметы, и сразу понятно, сколько человек от-

служил. Командир вернул кепку Якупову. Возвратил его в строй и приказал дежурному отвести старших в роту, а нас оставить для разговора. Когда старшие удалились, командир продолжил:

– Запомните вот что. После службы вы станете совершенно другими людьми. Вы вернётесь в родные дома, к своим друзьям и близким, но вас там, скорее всего, не поймут. Возможно, по этой причине кого-то из друзей вы потеряете. Они будут ждать того, кого они знали, того, кого они провожали на службу, а вернётся совершенно другой человек. Если у кого-то из вас дома осталась девушка, то будьте уверены на 90%, что она не дожждётся. Лучше смириться с этой мыслью прямо сейчас – так вам будет легче дальше служить. Когда вы вернётесь, то постепенно там, на гражданке, вы будете терять навыки, приобретённые здесь, поскольку гражданка коварна и сильно расхолаживает. Поэтому мой вам совет – старайтесь с максимальной пользой для себя провести это время. Чтобы, вернувшись, вы были более устойчивыми как морально, так и физически и были способны держать удар. Новых настоящих друзей рекомендую приобретать здесь. А сейчас – вольно! Дежурный, далее по распорядку.

Мы пошли в роту, где перекинулись друг с другом парой слов о командире. Мне в целом он понравился. Нормальный мужик. Конкретный, чёткий. Нашим же старшим он не понравился совсем и сразу. Могу предположить, что они видели в нём потенциальную угрозу, поскольку новая метла по-

новому метёт. Но основная проблема была в том, что наши старшие прошли определённую школу по старым правилам и планировали нас обучать в таком же духе, а тут к ним начали предъявлять новые требования, начиная даже с формы одежды, что не позволяло им отличаться от нас даже по этому признаку.

После обеда нас отправили мести территорию. Мне досталась прилегающая к КПП дорога. Я рассчитывал, что если быстро справлюсь с задачей, то будет время передохнуть, поэтому мёл довольно интенсивно. Было жарко. Я изрядно вспотел, наверное, уже десятый раз за день. Спустя некоторое время ко мне подошёл один из старших, находящийся в наряде по КПП.

– Э, слышь! Хули так медленно метёшь? Давай резче!

Я не обратил внимания на услышанное, поскольку знал, что мету совсем не медленно, и решил, что это обращение относилось к кому-то другому.

– Э, ты чё, сука, глухой?

Эта фраза прозвучала уже совсем близко, и я догадался, что она была адресована мне, но решил уточнить:

– Ты это мне сказал?

– Да, блядь, а кому ещё. Мети быстрее давай. Хули встал?

– Я и так мету максимально быстро.

– Ты чё, сука, залупаешься? А ну, давай подошёл сюда на лося!

– Нет, такого не будет.

– Ты чё, охуел? Фамилия твоя?

– Скоробогатов.

– Пизда тебе, карась! Твой призыв сегодня не спит! Тебе повезло, что ты ещё присягу не принял! Давай резче мети, и съебался отсюда!

«Подойти на лося» означало выставить перед лбом свои руки ладонями наружу, в которые другой человек бьёт в лучшем случае кулаком. Довольно распространённый способ унижения и наказания, применяется в воспитательных целях, перекочевавший на флот, скорее всего, из малолетних тюрем. Лосей таких, надо сказать, было несколько видов. Один из них музыкальный. Это когда тот, кто подставляет под удар свою голову и руки, ещё и поёт песню «Вдруг как в сказке скрипнула дверь», танцуя вприсядку, а другой бьёт в конце каждой строчки куплета. Поскольку вины за собой никакой не чувствовал, то я отказался от такого подарка, понимая, что этому старшему просто нечем было заняться и хотелось как-то утвердиться. Согласиться – в данном случае было проявить слабость, тогда лоси обеспечены на протяжении всей службы, а то и чего похуже. Ничего не имею против наказаний. Накосычил – отвечай. Косяка за мной не было, поэтому я справедливо слил наглого деда. Но тревога осталась.

Я заканчивал работу и думал, как быть дальше. Стоит сказать об этом кому-либо или нет? Решил пока никому ничего не говорить, потому как в принципе ничего не про-

изошло. Да, меня попытались прогнать, но не получилось. Единственное, что тревожило, что могут прокачать всех, потому как закон «Один за всех и все из-за одного» никто не отменял. Но я был прав, это немного успокаивало.

Мы закончили работу, забрали матрасы с забора и двинули в роту. Нам предстояла помывка личного состава. Эта формулировка звучала как музыка, учитывая, что до этого момента мы не имели возможности помыться с головы до ног. Умывались холодной водой, мыли ноги в раковине, стирали носки, обтирались мокрым полотенцем. Но такого, чтобы прям вымыться целиком в горячей воде, — об этом можно было только мечтать! Брат мне рассказывал про то, что во время службы их водили в баню. На это я и рассчитывал. Оказалось, что бани никакой нет. Точнее есть, но она давно не работает и можно довольствоваться только душем, но зато с горячей водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.